

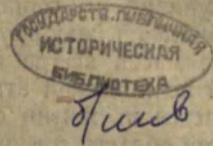
НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1918 г.

8 Января.

№ 20.

СОДЕРЖАНІЕ.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ. КЛАССЪ И ЧЕЛОВѢКЪ.
ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. МЕТЕЛЬ.
СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. ДЕМОНЪ САНТИМЕНТА-
ЛИЗМА И БЕЗЧЕСТІЯ.
Н. ЛУГИНЪ. ИЗЪ ПИСЕМЪ ПРАПОРЩИКА.

Я. А. ГАЛЯШКИНЪ. ВОЗМОЖНА ЛИ ДЕВАЛЬ-
ВАЦІЯ РУБЛЯ?
СТРАННИКЪ. НА ДОНУ.
БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. ВОЙНА.
Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ТРИ МѢСЯЦА—5 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—50 К. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИ-
ЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ
НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 8.
Тел. 61-03 и 4-27-29.

КЛАССЪ И ЧЕЛОВѢКЪ.

• *Статья Николая Бердяева.*

I.

Борьба классовъ наполняетъ собою исторію человечества. Она не есть изобрѣтеніе XIX и XX в.в., хотя въ эти вѣка она приняла новыя обостренныя формы. Эта борьба происходила еще въ мірѣ античномъ и тамъ уже имѣла очень разнообразныя проявленія. Много поучительнаго можно прочесть на эту тему въ книгѣ Пельмана «Исторія античнаго коммунизма и социализма». Нѣкоторыя страницы напоминаютъ хронику нашихъ дней. Соціальное возстаніе массъ всегда и вездѣ было одинаковымъ по своей психической атмосферѣ. Слишкомъ многое повторяется въ жизни социальной и трудно придумать въ этой области совершенно новыя комбинаціи и перестановки. Много было классовыхъ коммунистическихъ движеній въ прошломъ и онѣ нерѣдко принимали религиозную окраску. Такія коммунистическія движенія особенно характерны для эпохи реформаціи. Стихийный коммунизмъ низшихъ классовъ общества есть одно изъ очень старыхъ началъ, периодически подымающееся и дѣлающее попытку опрокинуть начала индивидуалистическія и іерархическія. Коммунизмъ—старъ, какъ міръ, онъ былъ еще у колыбели человѣческой цивилизаціи. Много разъ въ исторіи возставали народные низы, пытались смести всѣ іерархическія и качественныя различія въ обществѣ и установить механическое равенство и смѣшеніе. Это смѣсительное уравненіе и упрощеніе общества всегда было въ несоотвѣтствіи съ прогрессивными историческими задачами, съ уровнемъ культуры. Периодически въ исторіи совершались приливы хаотической тьмы и стремились опрокинуть общественной космосъ и его законъ развитія. Такого рода движенія сплошь и рядомъ бывали совершенно реакціонными и отбрасывали народъ назадъ. Соціалистъ Лассаль не считалъ прогрессивными крестьянскія войны реформаціонной эпохи, онъ считалъ ихъ реакціонными, т.-е. противорѣчащими основнымъ историческимъ задачамъ того времени. И въ стихіи русской революціи дѣйствуютъ такія же старыя, реакціонныя силы, въ ней шевелится древній хаосъ, лежавшій подъ тонкими пластами русской цивилизаціи.

Классовая борьба, этотъ первородный грѣхъ человѣческихъ обществъ, въ XIX вѣкѣ углубилась и изменила свой характеръ. Въ этотъ передовой вѣкъ человѣческое общество очень матеріализировалось, потеряло свой духовный центръ и звѣриное корыстолюбіе человѣка подъ цивилизованнымъ обликомъ достигло крайняго напряженія и выраженія. Моральный характеръ буржуазно-капиталистическаго вѣка дѣлаетъ борьбу классовъ за свои интересы болѣе беззастѣнливой, чѣмъ въ прежніе вѣка. И связано это не съ фактомъ промышленнаго развитія, который самъ по себѣ есть благо, а съ духовнымъ состояніемъ европейскаго общества. Духовный ядъ въ этомъ обществѣ пошелъ сверху внизъ, отъ классовъ господствующихъ къ классамъ угнетеннымъ. Материалистическій социализмъ Маркса и др., сконцентрировавший въ себѣ весь ядъ буржуазнаго безбожія,

не ограничился болѣе острымъ познаніемъ факта классовой борьбы,—онъ освятилъ этотъ фактъ и окончательно подчинилъ человѣка классу. Средства борьбы окончательно затмили высшія цѣли жизни. Материалистическій социализмъ, поработанный экономизмомъ капиталистическихъ обществъ, отражаетъ человѣка и общечеловѣческую природу, онъ признаетъ лишь классоваго человѣка, лишь классовые коллективы. Нарождается совсѣмъ особенное чувство жизни, ощущаютъ лишь массы и совсѣмъ перестаютъ ощущать индивидуальнаго человѣка. Классъ есть количество. Человѣкъ же есть качество. Классовая борьба, возведенная въ «идею», закрыла качественный образъ человѣка. Въ нашу суровую эпоху, срывающую всѣ покровы, невозможенъ уже и наивно-смѣшенъ старомодный идеализмъ, отворачивающійся отъ непригляднаго факта борьбы классовъ, отъ познанія классовыхъ антагонизмовъ и классовыхъ наслоеній, искажающихъ природу человѣка. Классовымъ антагонизмомъ и классовымъ искаженіемъ человѣческаго образа принадлежитъ огромная, хотя и не почетная роль въ социальной жизни. Но отъ этого природнаго факта не должны стоять въ зависимости наши нравственныя сужденія и наши представленія о духовномъ образѣ человѣка. Человѣческая природа можетъ быть искажена классовымъ положеніемъ человѣка, оболочки человѣка могутъ опредѣляться классовой корыстью и классовой ограниченностью. Но духовное ядро человѣка, но индивидуальный человѣческій образъ никогда не опредѣляется классомъ, не зависитъ отъ социальной среды. И тотъ, кто это отрицаетъ, тотъ отрицаетъ человѣка, тотъ совершаетъ духовное чело-вѣкоубійство. Безбожно и безнравственно враждебно относиться къ человѣку и отвращаться отъ души его потому только, что онъ принадлежитъ къ тому или иному классу. Безбожно и безнравственно вмѣсто человѣка съ его хорошими и плохими свойствами видѣть коллективную субстанцію буржуазии или пролетаріата. Такъ идея класса убиваетъ идею чело-вѣка. Это убійство теоретически совершается въ марксизмѣ. Въ стихіи русской революціи оно совершается практически. въ размѣрахъ еще невиданныхъ въ исторіи. Человѣкъ «буржуазный» и человѣкъ «соціалистическій» перестаютъ быть другъ для друга людьми, братьями по Единому Отцу человѣческаго рода. Въ этой революціонной стихіи не можетъ быть освобожденія человѣка, ибо человѣкъ отрицается въ своей первоосновѣ. Освобожденіе класса какъ бы связываетъ и поработываетъ человѣка.

II.

Съ тѣхъ поръ какъ міръ сдѣлался христіанскимъ и принялъ крещеніе, онъ въ религиозномъ сознании своемъ призналъ, что люди—братья, что у насъ Единый Отецъ Небесный. Въ мірѣ христіанскомъ господинъ и рабъ по социальнымъ своимъ оболочкамъ не могутъ признавать другъ друга волками, могутъ въ грѣхѣ своемъ, но не могутъ въ вѣрѣ своей. Въ свѣтлыя минуты свои, въ духовной глубинѣ своей они признавали другъ друга братьями во Христѣ.

Миръ христіанскій остался грѣшнымъ міромъ, онъ падалъ, измѣнялъ своему Богу, дѣлалъ зло, въ немъ люди ненавидѣли другъ друга, и вмѣсто закона любви исполняли законъ ненависти. Но грѣхъ ненависти, злобы, насилія всѣми христіанами сознавался грѣхъ, а не добродѣтелью, не путемъ къ высшей жизни. Вѣра въ челоѣка, какъ образъ и подобіе Божье, оставалась вѣрой христіанскаго міра. Челоѣкъ былъ дурень, вѣра же его была хороша, хороша была сама духовная первооснова, заложенная Христомъ и Его Церковью. Но вотъ въ христіанскомъ челоѣчествѣ произошелъ тяжелый кризисъ. Душа людей и душа народовъ заболѣла. Вѣра стала плохой, перестали вѣрить въ челоѣка, какъ образъ и подобіе Божье, потому что перестали вѣрить въ Бога. Измѣнились самыя духовныя основы жизни. Не социализмъ повиненъ въ этомъ духовномъ паденіи,—оно произошло раньше. Социализмъ лишь рабски воспринялъ это невѣріе въ челоѣка и въ Бога, онъ доводитъ его до конца и даетъ ему всеобщее выраженіе. Невѣріе въ челоѣка привело къ обоготворенію челоѣка. Борьба классовъ перестала быть фактомъ социально-экономическимъ, она стала фактомъ духовнымъ, она распространилась на всю совокупность челоѣческой природы и челоѣческой жизни. Не осталось ни одного уголка въ челоѣческой душѣ, въ челоѣческихъ переживаніяхъ и челоѣческомъ творчествѣ, куда бы не вторглась борьба классовъ со своими непомѣрными притязаніями. Теоріи экономического матеріализма предшествовала и соотвѣтствовала новая челоѣческая дѣйствительность,—экономизмъ разлившійся по всему полю челоѣческой жизни. На этой почвѣ въ челоѣческомъ обществѣ затерялся единый законъ добра. Добро «буржуазное» и добро «соціалистическое» не хотятъ имѣть между собой ничего общаго и надъ ними нѣтъ никакого высшаго, единого добра. И потому нѣтъ уже непосредственнаго отношенія челоѣка къ челоѣку, есть лишь отношеніе класса къ классу. Революціонный социализмъ, какъ онъ обнаружился сейчасъ въ Россіи, окончательно убиваетъ возможность братства людей въ принципѣ, въ идеѣ, въ самой новой вѣрѣ. По этой новой вѣрѣ нѣтъ уже челоѣка, а есть лишь носитель и выразитель безличной классово-вой субстанции.

Не только «пролетарій» и «буржуа» не братья другъ другу, а волки, но и пролетарій и пролетарій не братья, а «товарищи», товарищи по интересамъ, по несчастью, по общности матеріальныхъ желаній. Въ социалистической вѣрѣ *товарищъ* замѣнилъ *брата* вѣры христіанской. Братья соединялись другъ съ другомъ, какъ дѣти Единого Отца, по любви, по общности духа. Товарищи соединяются другъ съ другомъ по общности интересовъ, по ненависти къ «буржуазии», по одинаковости матеріальной основы жизни. Товарищъ въ товарищѣ почитаетъ классъ, а не челоѣка. Такое товарищество убиваетъ въ корнѣ братство людей, не только высшее единство христіанскаго челоѣчества, но и среднее единство цивилизованнаго челоѣчества. Французская революція злоупотребила лозунгомъ «свобода, равенство и братство». Но братства она не осуществила и не пробовала осуществить. Революція социалистическая мнитъ о себѣ, что она можетъ и должна осуществить братство. Но она осуществляетъ лишь товарищество, вносящее небывалый раздоръ въ челоѣчество. Равенство не есть братство. Братство возможно лишь во Христѣ,

лишь для христіанскаго челоѣчества, это—откровеніе религіи любви. Идея братства выкрадена у христіанства и внѣ его невозможна. Паоосъ равенства есть паоосъ зависти, а не любви. Движенія, порожденныя уравнилельной страстью, дышатъ местию, онѣ хотятъ не жертвовать, а отнимать. Братство—эрганично, равенство же механично. Въ братствѣ утверждается всякая челоѣческая личность, въ равенствѣ же «товарищѣ» исчезаетъ всякая личность въ количественной массѣ. Въ братѣ торжествуетъ челоѣкъ, въ товарищѣ торжествуетъ классъ. Товарищъ подмѣняетъ челоѣка. Братъ—религіозная категория. Гражданинъ—категорія политическая, государственно правовая. Товарищъ—лже-религіозная категория, подмѣна. «Гражданинъ» и «братъ» имѣютъ оправданіе. «Товарищъ» не имѣетъ никакого оправданія. Черезъ идею товарища классъ убиваетъ челоѣка. Челоѣкъ челоѣку не «товарищъ», челоѣкъ челоѣку гражданинъ или братъ,—гражданинъ въ государствѣ, въ мірскомъ общеніи, братъ—въ Церкви, въ общеніи религіозномъ. Гражданство связано съ правомъ; братство связано съ любовью. Товарищъ отрицаетъ право и отрицаетъ любовь, онъ признаетъ лишь общіе или противоположные интересы. Въ этомъ сближеніи или разъединеніи интересовъ погибаетъ челоѣкъ. Челоѣку нужно или гражданское къ нему отношеніе, признаніе его правъ или братское къ нему отношеніе, отношеніе свободной любви.

III.

Русскіе люди должны пройти школу гражданства. Въ этой школѣ должно выработаться уваженіе къ челоѣку и его правамъ, должно сознаться достоинство челоѣка, какъ существа живущаго въ обществѣ и государствѣ. Черезъ эту ступень всякій челоѣкъ и всякій народъ долженъ пройти, черезъ нее нельзя перескочить. Когда возставшіе рабы утверждаютъ, что гражданское состояніе для нихъ ненужно и недостаточно, что они сразу же могутъ перейти къ высшему состоянію, они обычно впадаютъ въ состояніе звѣриное. Школа братства вырабатываетъ любовь челоѣка къ челоѣку, сознание духовной общности. Это—религіозный планъ, который не слѣдуетъ смѣшивать съ планомъ политическимъ. Нелѣпо и нечестиво чудеса жизни религіозной переносить на жизнь политическую и социальную, придавая относительному абсолютный характеръ. Принудительное братство невозможно. Братство—плодъ свободной любви. Братская любовь—цвѣтъ духовной жизни. Гражданиномъ же всякій быть обязанъ. Всякій можетъ требовать уваженія къ своимъ правамъ, признанія въ немъ челоѣка, если даже нѣтъ любви. Соціалистическое товарищество по идеѣ своей есть принужденіе къ добродѣтели, принужденіе къ общенію ббльшему, чѣмъ то, котораго добровольно хочетъ челоѣкъ. «Товарищъ» есть недопустимое смѣшеніе «гражданина» и «брата», смѣшеніе государственнаго и церковнаго общества, подмѣна одного плана другимъ, не то и не се. За эти мѣсяцы въ Россіи слово «товарищъ» приобрѣло смѣхотворное и почти постыдное значеніе. Съ нимъ связано у насъ истребленіе гражданства и окончательное отрицаніе братства любви. Классъ въ лицѣ «товарища» возсталъ не только на классъ, классъ возсталъ на челоѣка. О челоѣкѣ забыли въ разъяреніи классово-ненависти. А вѣдь челоѣкъ есть подлинная, непреходящая реальность. Челоѣкъ наследуетъ вѣчность,

а не классъ. Всякій классъ есть временное, преходящее явление, его не было и не будетъ. Человѣкъ конкретенъ. Классъ же есть абстракція. Въ этой абстракціи объединяются схожіе социальные интересы и схожіе социальные психики. Но эти абстрактныя объединенія никогда не могутъ образовать подлинной реальности, реальной цѣлости. «Пролетаріатъ» социалистовъ есть отвлеченная «идея», а не реальность. Реально существуютъ лишь разнородныя группы рабочихъ, нерѣдко различающихся и въ своихъ интересахъ и въ своихъ душевныхъ укладахъ. Самихъ рабочихъ хотятъ принудить подчиниться отвлеченной идеѣ пролетаріата. И этой безкровной отвлеченности, какъ идолу, приносятъ человѣческія жертвы.

Классъ не обладаетъ также той реальностью, которой обладаетъ нація, государство. Классъ—очень относительное образование, онъ можетъ занимать лишь самое подчиненное положеніе. Все «классовое» относится къ оболочкамъ жизни, а не къ ядру. Попытка положить въ основу судьбы общества идею класса и фактъ класса есть демоническая попытка, она направлена на истребленіе человѣка, націи, государства, церкви, всѣхъ подлинныхъ реальностей. Классъ, которому приписываютъ верховенство, разлагаетъ всѣ цѣнности и всѣ реальности, онъ коверкаетъ души людей и искажаетъ всѣ жизненныя оцѣнки. Рабочій классъ, повѣрившій, что онъ единственный избранный классъ, не оставляетъ живого мѣста, все сноситъ и калѣчитъ. Въ Россіи не будетъ свободного гражданства, пока русскіе будутъ жить подъ властью

демонической идеи класса. И эта же темная классовая идея будетъ истреблять остатки братства въ русскомъ народѣ, какъ народѣ христіанскомъ. Гипнозъ классовой идеи коверкаетъ и самый социализмъ и придаетъ ему разрушительный и самоубійственный характеръ. Если возможенъ и допустимъ социализмъ, то въ основу его долженъ быть положенъ человѣкъ, а не классъ. Противъ классового абсолютизма необходимо проповѣдывать крестовый походъ. Въ темныхъ русскихъ людяхъ, одержимыхъ лживой идеей, обманутыхъ и изнасилованныхъ, должно пробудить человѣка, человѣческой образъ и человѣческое достоинство. Самоуниженіе и наглость класса не есть достоинство человѣка, въ нихъ погибаетъ человѣкъ. Въ массѣ рабочихъ и крестьянъ не только не пробуждается человѣкъ, но окончательно забивается и тонетъ въ стихіи темныхъ инстинктовъ. Большевицкій коллективизмъ и есть послѣдствие нераскрытости въ Россіи человеческого начала, человѣческой личности, человѣческаго образа. Пролетарскій классовый коммунизмъ на русской почвѣ есть переживаніе дочеловѣческаго первобытнаго коммунизма. Революція разнуздала эту коммунистическую тьму, но ничего не сдѣлала для развитія въ народной массѣ свободного гражданства. Русский гражданинъ по прежнему забитъ и терроризированъ. Новая и лучшая жизнь начнется въ Россіи, когда свѣтлый духъ человѣка побѣдитъ темнаго демона класса.

Николай Бердяевъ.

МЕТЕЛЬ.

Георгій Чулковъ. Листки изъ дневника.

I.

Въ сочельникъ пошелъ я въ старообрядческую церковь, въ Ушаковскій переулокъ. Хоръ, поющій въ унисонъ, пахнуція медомъ свѣчи, бѣлые платки женщинъ, кафганы мужчинъ, строгость благочестивая—какъ все это не похоже на международную суету, ворвавшуюся въ нашу русскую жизнь, въ нашъ русскій бытъ и соблазвившую нашихъ мужиковъ маревомъ новаго счастья и новой жизни...

«Да была ли у насъ въ самомъ дѣлѣ революція?»—думалъ я, прислушиваясь къ старымъ молитвеннымъ напѣвамъ, къ таинственнымъ словамъ о вѣчной богочеловѣческой правдѣ.—«Быть можетъ, все это сонъ, павожденіе какое-то, всѣ эти викжели, интернаціоналы, эсдеки, саботажи, бронштейны, трибуналы и прочія штуковины, посыпавшіяся на голову мужика, какъ изъ рога изобилія?»

Когда я выходилъ изъ церкви, мимо меня прошла стройная дѣвушка; изъ-подъ бѣлаго платка блеснули огромные, строгіе, какъ на иконахъ, глаза,—отъ такого взгляда сердце падаетъ и голова хмелѣетъ. Это, должно быть, сама Россія посмотрѣла на меня въ тотъ мигъ.

Дѣвушка посмотрѣла на меня, прошла мимо и пропала въ метели.

Вѣяль вѣтеръ; крутились бѣлые столбы; какъ будто кто-то живой швырялъ прямо въ лицо горстями снѣгъ.

Я шель по Остоженкѣ, натываясь на сугробы.

А сверху и сбоку летѣли, завывая и посвистывая, снѣжные бѣсы «рой за роємъ».

Мутно было небо надъ ночнымъ городомъ. Отъ бѣсовскаго воя сердце надрывалось. Какъ будто нечистая сила вырвалась изъ преисподней и въ дикомъ весельѣ плясала вверху и внизу, слѣпя глаза, бросаясь подъ ноги, улюлюкая и смѣясь.

Пропала строгая красавица въ дьявольской метели. Пропала Россія. Погибла.

А что если не погибла? Вѣдь, не такъ ужъ сильны безликіе бѣсы. А что если красавица осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ? Вѣдь, сгинуть черти, страшась креста...

И такъ будетъ, такъ будетъ. Или въ самомъ дѣлѣ уже нѣтъ Россіи? Или въ самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ людей? Но люди есть. Правда, мы тщетно стали бы искать ихъ среди той развинченной, слѣпой и жалкой полуинтеллигенціи, которая попрежнему, ничего не сознавая и не понимая, возлагаетъ свои надежды на «резолуціи», «сѣзды», «комитеты», «тактику» и всевозможные «викжели». Но дѣло теперь не въ «викжеляхъ», не въ «революціяхъ» и «контръ-революціяхъ», на которыхъ помѣшались партійные вожакі и безпартійные обыватели-трусы, а въ томъ религіозномъ сознаніи народа, которое, пробуждаясь, сотворитъ чудеса и спасетъ Россію.

Люди есть. И вотъ первый человѣкъ, который приходитъ мнѣ на умъ и голосъ котораго должна услышать родина—Карташевъ.

Тотъ Карташевъ, который самоотверженно взялъ на себя тягчайшее иго посредничества между освобожденной отъ самодержавія Россіи и церковью русскою,—тотъ Карташевъ, котораго безумцы хотятъ задушить въ казематахъ Петропавловки, нашель въ себѣ внутреннюю силу, чтобы напомнить русскимъ людямъ о вѣчной правдѣ распинаемаго вновь и вновь Христа.

«Когда въ грозную ночь 25 октября,—пишетъ Карташевъ изъ тюрьмы,—насъ вывели въ абсолютную тьму площади Зимняго Дворца, не было на горизонтѣ ни одного огня. Одни черные силуэты зданія штаба и—ангелъ съ рукою, какъ лукъ, изогнутой и указующимъ перстомъ на чуть сѣрбующемъ фонѣ неба. На мигъ показалось, что Россія и Петроградъ кончились, сгорѣли въ эсхатологическомъ огнѣ, а это только ихъ обугленные остовы. И тутъ же неустанное напоминаніе ангела: разрѣшенія задачи не найти только здѣсь, на землѣ, одними человѣческими средствами. Катастрофа слишкомъ глубока и духовна. Только связь съ небомъ облагородитъ и спасетъ человѣчество отъ озвѣрѣнія. И теперь въ святые дни «Божія Снисхожденія», въ дни вочеловѣченія Эммануила, когда истомилась русская земля безъ помощи свыше, какъ «земля безводная», я неотступно вижу на разстояніи тихій, но упорный перстъ Россійскаго Ангела, поднятый къ небесамъ съ напоминаніемъ изнемогающимъ русскимъ людямъ о «богохранимой державѣ Россійской» и источникѣ спасенія ея...

Карташевъ не былъ полигическимъ дѣятелемъ, агитаторомъ, партійнымъ человѣкомъ, не былъ даже профессиональнымъ литераторомъ. То, что онъ согласился быть министромъ исповѣданій, было подвигомъ. Необычайныя слова его письма, свидѣтельствующія о глубококомъ духовномъ прозрѣніи смысла событій, написаны не для всѣхъ. Но близкіе Карташеву люди мудро поступили, опубликовавъ посланіе, которое значеніе имѣетъ всеобщее и непреходящее.

Какъ недалновидны, какъ поверхностны всѣ наши политики—правые и лѣвые, буржуазные и социалистическіе—всѣ, почти безъ исключенія, воображающіе, что сейчасъ идетъ не болѣе какъ *борьба интересовъ*, внѣшняя матеріальная борьба. Правда, въ противоположность большевикамъ и марксистамъ, наши либералы не прочь напоминать время отъ времени о такихъ началахъ, какъ честь, совѣсть, справедливость, національное достоинство и даже готовы иногда признать значеніе «религиозныхъ цѣнностей». Но это высокомѣрно-благосклонное признаніе духовныхъ началъ находится въ прямомъ противорѣчьи съ тою прилежною проповѣдью безбожія, которую вели русскіе либералы и радикалы въ теченіе полустолѣтія. Вѣдь, всѣ эти марксисты и народники научились тупенькому своему атеизму у тѣхъ самыхъ почтенныхъ радикаловъ, которые теперь въ ужасѣ отъ своихъ «дѣтей». Вѣдь, наши «нигилисты» давно ужъ не дѣти, а отцы. И если эти отцы были приличны и грамотны, чѣмъ тургеневскій Базаровъ, зато они были, пожалуй, духовно бѣдны, чѣмъ даже этотъ наивный «естествоиспытатель».

Голосъ Карташева звучитъ для интеллигенціи нашей, какъ вѣщаніе непонятное и странное. Но этотъ голосъ вовсе не кажется неожиданнымъ для тѣхъ, кто ведетъ свою родословную не отъ Писарева, Михайловскаго, Лаврова и т. д., а отъ подлинныхъ выразителей русской великой культуры, отъ ея

вождей и пророковъ—Достоевскаго и Владимира Соловьева.

Воистину, катастрофа слишкомъ глубока и духовна. И видѣніе Карташева—«тихий, но упорный перстъ Россійскаго Ангела, поднятый къ небесамъ съ напоминаніемъ и изнемогающимъ русскимъ людямъ о богохранимой державѣ Россійской»—воистину видѣніе пророческое.

Явно, что нѣтъ надежды на механическое, внѣшнее, арифметически упрощенное рѣшеніе вопроса о нашемъ дальнѣйшемъ историческомъ бытіи. Спасти Россію русскіе люди смогутъ лишь тогда, когда вспомнятъ о томъ, что не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, когда вмѣстѣ съ Карташевымъ увидятъ Ангела, указующаго на небо.

Стыдно и страшно, если освободившійся народъ предастъ дѣло гениальнаго Петра, если отречется отъ своихъ великодержавныхъ правъ и склонитъ покорно голову передъ самодовольнымъ побѣдителемъ Гогенцоллерномъ, уступить мѣсто реакціоннѣйшей «Срединной Имперіи», но еще страшнѣе, ужаснѣе и позорнѣе, если народъ нашъ отречется отъ своего духовнаго великодержавія, если онъ «побьетъ камнями» своихъ пророковъ. Устами одного знаменитаго площаднаго нашего писателя-современника, котораго не безъ удовольствія почитываетъ всякая чернь, пролетарская и буржуазная, уже было поругано имя Достоевскаго. Это было знакомъ-сигналомъ для оплеванія Россіи. Часъ возмездія наступилъ.

Та интеллигенція, которая не умѣетъ чтить народныхъ гениевъ, не умѣетъ цѣнить значительность своей давней національной культуры, не можетъ, естественно, отстоять и защитить и внѣшнее великодержавіе націи. Въ этомъ есть внутренняя справедливость. Борьба за національную самостоятельность оправдана лишь въ той мѣрѣ, въ какой нація чувствуетъ себя самобытною и въ какой она сама себя признаетъ участницею міровой культуры.

Тѣ наши интеллигенты, которые не цѣпятъ сокровищъ нашей древней иконописи, не любятъ пѣсенъ народныхъ, не знаютъ вовсе святыхъ нашихъ, поверхностно судятъ о Пушкинѣ, ничего не понимаютъ въ Великомъ Петрѣ, клеветаютъ на Достоевскаго и небрежно перелистываютъ книги Владимира Соловьева—какое дѣло этимъ интеллигентамъ до истинной Россіи и до ея духовнаго великодержавія! И если эти интеллигенты искренне думаютъ, что они патриоты, патриотизмъ ихъ бездѣйственный и даже вредный, потому что въ пристрастїи къ родинѣ нѣтъ высшаго смысла и ему нѣтъ нравственнаго оправданія, если это пристрастїе только слабость, только эгоизмъ, находящійся въ прямомъ противорѣчьи съ вѣрою и сознаніемъ.

Если интеллигентъ вѣритъ и сознаетъ, что Германія—носительница болѣе высокой идеи, чѣмъ Россія, пусть онъ идетъ на службу къ большевикамъ, ибо самая добросовѣстная его работа съ какою угодно «оборонческою» партией сведется къ нулю, будетъ несостоятельна и безсильна: нельзя служить тому дѣлу, внутренняго значенія котораго не чувствуешь и не угадываешь.

У большевиковъ есть по крайней мѣрѣ паѳосъ нигилизма, жеманфишизма, если хотите, а у тѣхъ интеллигентовъ, которые духовно оскопились, измѣнивъ Россіи по существу, нѣтъ никакого паѳоса—одна лишь постыдная истерика, жалкій визгъ, бормотаніе зазубренныхъ въ подпольѣ формулъ.

И добродѣтельные «буржуа» либералы, когда они думаютъ спасать Россію, просвѣтивъ народъ на счетъ его «интересовъ», которыхъ-де онъ самъ не понимаетъ, впадаютъ въ ошибку своихъ соперниковъ, ютившихся до паденія съдержавія въ подпольѣ.

Нѣтъ, дѣло сейчасъ не только во внѣшнихъ интересахъ. Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть внутреннихъ противорѣчій, которыми раздираема жизнь: солдаты не хотятъ драться съ нѣмцами, но эти же самые солдаты дерутся другъ съ другомъ внутри страны; рабочіе не желаютъ работать на заводахъ и фабрикахъ, но эти же рабочіе не могутъ не знать, что имъ грозитъ безработица и голодъ; крестьяне не даютъ городамъ хлѣба, но они принимаютъ, что голодный городъ не дастъ имъ всего прочаго насущнаго. Тутъ духовное помраченіе, самоубійственное по существу, а вовсе не «борьба интересовъ». Тутъ или отчаяніе, или безумная жажда «новой жизни». И грубѣйшій звѣриный эгоизмъ сочетается съ таинственнѣйшей надеждой на всеобщую правду и справедливость. Голымъ внѣшнимъ «интересомъ» не объяснишь той сложнѣйшей катастрофы, которую переживаетъ Россія и міръ. И Карташевъ тысячу разъ правъ, когда называетъ эту катастрофу «глубокой и духовной». Въ этой катастрофической борьбѣ участвуетъ весь міръ. Она идетъ вовсе не по той линіи, которую доктринерски чертитъ въ своихъ планахъ неумный и ничего въ истории не понимающій Ленинъ. Но дѣло не въ идеяхъ и мнѣніяхъ какого-нибудь Ленина, а въ его «работѣ», въ его «службѣ» тѣмъ темнымъ силамъ, которыя находятся въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ пангерманскимъ империализмомъ и съ нѣмецкою цивилизаціей. Ленинъ—кукла, фантомъ, ничтожество, но онъ символъ совсѣмъ не безразличный—онъ *memento mori* для нашей интеллигенціи, для тѣхъ же честныхъ социалистовъ-стцовъ, ибо у нихъ обучался Ленинъ своему безбожному и бессмысленному «материалистическому пониманію истории».

Безбожный материализмъ въ самомъ себѣ заключаетъ возмездіе. Послѣдствія торжествующаго безбожія для всѣхъ теперь очевидны. Прежде всего

поражаетъ слухъ, глазъ и душу изумительное *безобразіе* совершающагося. Писаревское «разрушеніе эстетики» проведено въ жизнь съ удивительною послѣдовательностью.

Недаромъ одинъ большевистскій эстетъ заявилъ публично, что Пушкинъ и Толстой ничтожны по сравнению съ Совѣтами Солдатскихъ Депутатовъ; недаромъ въ первыхъ рядахъ «революціонныхъ» дѣятелей оказались самые темные представители нашей «буржуазной» литературы; недаромъ стихи, сочиняемые «интернационалистами» и ежедневно печатаемые въ газетахъ побѣдителей-большевиковъ, такъ неграмотны, блѣдны, и безсильны; недаромъ до странности бездарны ораторы господствующей нынѣ партіи... Я помню, какъ мнѣ было больно и стыдно смотрѣть на разрисованные плакаты, которыя таскали, потѣя и поплеывая съмечками, наши мастеровые перваго мая. Эти плакаты были сдѣланы во-истину съ пошлѣйшимъ мѣщанскимъ великолѣпіемъ, но живого народнаго искусства въ нихъ и слѣда не было. И не случайно отсутствуетъ всякая идеологія въ этомъ бунтарскомъ движеніи, а между тѣмъ, если бы этотъ бунтъ въ самомъ дѣлѣ былъ бы исполненъ революціоннаго паюса, засіяли бы въ немъ, какъ звѣзды-водительницы, новыя идеи, новыя символы, новыя слова... Увы! Въмѣсто новыхъ идей ветхія идейки, украденныя къ тому же у кого попало; вмѣсто символовъ самыя затасканныя «буржуазныя» аллегоріи; вмѣсто новыхъ словъ—жалкій безкровный жаргонъ.

Эстетика разрушена и объявлена съ тупымъ самодовольствомъ буржуазнымъ предрасудкомъ. Было бы не худо, если бы мы преодолѣли эстетику во имя начала болѣе высокаго и всеобъемлющаго. Къ сожалѣнію, ея никто не преодолѣвалъ. Мы попятимся назадъ, а не пошли впередъ. Налетѣли бѣсы съ визгомъ и воемъ, навалили сугробы снѣга, смѣшали его съ уличной грязью, и въ мутной метели исчезла строгая красавица, пропала во мглѣ, туманной и снѣжной.

1 января 1918.

Георгій Чулковъ.

ДЕМОНЪ САНТИМЕНТАЛИЗМА И БЕЗЧЕСТІЯ.

Статья свящ. Сергѣя Соловьева.

1.

«И онъ даже расхныкался. Онъ былъ сантименталенъ. Онъ былъ золь и сантименталенъ». Такъ говоритъ Достоевскій о старикѣ Карамазовѣ, типично-русскомъ отцѣ типично-русскаго семейства, въ которомъ старшій сынъ, пьяный, таскаетъ за бороденку отставнаго штабсъ-капитана, а затѣмъ воспѣваетъ гимнъ Деметрѣ, второй сынъ проповѣдуетъ, что все позволено, третій, чистый, какъ голубь, спасается у ногъ старца Зосимы. Золь и сантименталенъ Федоръ Карамазовъ—крѣпостникъ, распутникъ, вольтерьянецъ. Золь и сантименталенъ русскій демонъ, страшныя черты котораго ужаснули теперь европейскій Западъ.

У всякаго народа есть два лика, святой и грѣшный, ангельскій и демонскій, и большое безуміе выдвигать одинъ ликъ, забывая о другомъ, дѣлать изъ одного народа чистаго демона, изъ другога—чистаго ангела.

Есть демонъ германскій—демонъ насилія и наглости; демонъ французскій—демонъ чувственности и тщеславія; англійскій—демонъ гордости и корысти. Русскій демонъ—женственный и лукавый, это—демонъ лжи, безчестія и сантиментализма. Его символомъ можетъ служить ножъ, остріе котораго смазано медомъ.

«Онъ былъ золь и сантименталенъ». Какъ часто сантиментальность принимаютъ за любовь, за кротость! И однако сантиментальность всегда—извращенная чувственность, за которой прячется зло, безсердечіе. И когда мы слышимъ теперь присюсюкиванія нашихъ большевиковъ о «бѣдныхъ дѣтяхъ въ подвалахъ», о «бѣдныхъ прачкахъ въ очередяхъ», о злобѣ и коварствѣ Англии и кроткомъ нѣмецкомъ рабочемъ, то передъ нами ясна дѣлается древній, лукавый ликъ нашего національнаго демона, который «золь и сантименталенъ» и, хотя не уменъ, но «прехитрая шельма».

«Нѣтъ Бога въ истинѣ, нѣтъ Бога въ чести, въ вѣрности», гласилъ катехизисъ русскаго народа. «Богъ только въ эмціи состраданія, Богъ—въ постѣ и молитвенномъ подвигѣ», а честность, вѣрность, истина—все это европейская, гордая собой добродѣтель, которую мы презираемъ. Въ этомъ воспитывали народъ русскіе фарисеи, и воспитаніе пошло въ прокъ. Мнѣ приходилось слышать отъ юристовъ, что русскій мужикъ просто не понимаетъ, почему нельзя поддѣлать чужую подпись, въ чемъ грѣхъ подлога, почему за него наказываютъ. Зато русскій человекъ «жалостливъ», преступникъ, наказываемый по закону, для него «несчастненькій».

Милосердіе выше справедливости, юридическія нормы должны иногда уступать нравственнымъ. Но отрицаніе юридическихъ нормъ—скользкій и опасный путь, что мы и видимъ на примѣрѣ современной Россіи: нашъ народъ, въ своемъ презрѣніи къ чело-вѣческому, разумному, правовому, государственному не поднялся надъ этой условной сферой, а оказался ниже ея: впалъ въ звѣриное, безумное, жестокое. Послѣдній медъ слизанъ съ революціоннаго ножа, ножъ колетъ языкъ и капаетъ кровь...

II.

Въ своей великолѣпной послѣдней рѣчи Миллюковъ, голосомъ котораго говорила сама честь Россіи, бросилъ одно, недостаточно оцѣненное замѣчаніе: «Теперь въ Россіи,—говорилъ онъ,—господствуетъ идеологія славянофиловъ, идеологія Кирѣевскаго». И дѣйствительно это такъ. Русскія настроенія послѣднихъ мѣсяцевъ—это небывалый взрывъ славянофильства и народничества, это судорожное сбрасываніе съ себя цѣпей вѣка давившей европейской цивилизаціи. «Мы произведемъ небывалое, изъ Россіи зажжется міровой пожаръ социализма, мы не считаемся ни съ какими европейскими социалистами, мы плюемъ на нихъ». Россія учитъ Европу, «учитъ весь міръ». Въ порывѣ безобразнаго самохвальства мы стоимъ передъ Европой, какъ знаменитый Поповъ, въ поэмѣ Алексѣя Толстого, который явился на праздникъ къ министру безъ панталонъ, и мы горды тѣмъ, что мы безъ панталонъ, этс—смѣло, дерзновенно, прекрасно. «Смазали хвастунишку по мордѣ, вотъ и исторія социализма въ Россіи»—злорадно хихикалъ Розановъ, вспоминая о разгромѣ русской революціи 1905 года. Съ отвращеніемъ читали мы эти слова стараго циника, и вотъ теперь они готовы обратиться въ дѣйствительность. Кто именно «смажетъ насъ по мордѣ», мы еще не знаемъ, но что хвастовство кончится и послѣ ночной оргіи не блеснетъ «Фебъ свѣтозарный», а проглянетъ тусклый, сѣрый, осенній день, и полиція придетъ связать ночного героя,—это, кажется, уже не подлежить сомнѣнію.

Одно дѣло—сознавать свои національныя задачи, другое—обожать свою народность, какъ таковую, творить идола изъ своей національности. Этимъ идолотвореніемъ погрѣшили славянофилы, усмотрѣвъ въ роковыхъ недостаткахъ русской души черты геніальности и богоизбранничества. Но славянофилы много фантазировали относительно народа, наблюдая его изъ «прекраснаго далека», ближе къ народу подошелъ Толстой, тотъ самый послѣдовательный русскій народникъ. Припавъ всей грудью къ родной землѣ и родному народу, онъ вѣрно почувствовалъ его коренное устремленіе, его пантеистическій зовъ къ ра-

створенію въ лонѣ природы: не надо культуры, не надо науки, не надо церкви. Мужикъ лучше умираетъ, чѣмъ барыня, а береза еще лучше умираетъ, чѣмъ мужикъ. Будь, какъ береза. Въ проповѣди Толстого мужичій тулупъ былъ объявленъ, какъ высшая духовная цѣнность. Тотъ тулупъ не замедлилъ восторжествовать и въ общественной жизни. Культъ «святого невѣжества» усиленно поощрялся сверху при Александрѣ III; мужицкій мистицизмъ, подъ предлогомъ «старчества», началъ давить церковность, пока не воплотился въ хитромъ и слащавомъ мужичкѣ Григорѣ Распутинѣ, «патріархѣ всероссійскомъ». Кто не видѣлъ грубыя и пошлыя карикатуры, какъ царь и царица обняли сапожища Распутина и молитвенно припали къ его ногамъ? Но очевидно Россіи не уйти отъ этого предназначеннаго ей возмездія. Паль Распутинъ, пало и царство, имъ вдохновляемое, и что же? Развѣ мы не видимъ теперь всю культурную Россію, молитвенно припавшую къ мужицкому сапогу: «Дай хлѣба». Позоръ тѣмъ, кто развратилъ этого «мужичка», кто набилъ его голову вздоромъ о «баржуяхъ», кто, потворствуя его злымъ инстинктамъ, на много лѣтъ отодвинулъ отъ него долгожданную свободу и землю. Страшная харя «мужичка», не то Пугачева, не то Распутина, а всего вѣрнѣе, древняго русскаго языческаго демона, оскалилась надъ истекающей кровью Россіей. Какъ нервно-больной, весь народъ живетъ только минутными эмоціями, вспыхиваетъ чувствами корысти или мести, и лишь иногда вмѣсто звѣринаго лика вдругъ проглянетъ кроткій, голубиный взоръ русскаго ангела, какъ напоминаніе о быломъ и обѣщаніе далекаго будущаго. Мы назвали демоновъ Европы, назовемъ и ея ангеловъ: ангель Германіи—ангель вѣрности и трудолюбія, ангель Англіи—ангель справедливости и благородства, ангель Франціи—ангель героизма и изящества, ангель Россіи—ангель милосердія и вселенскаго братства.

Тяжелы пути нашего народа, роковой силой отброшеннаго отъ европейской семьи на зарѣ національнаго бытія. Медленно, въ трудахъ и болѣзняхъ, нагоняетъ отъ западныхъ братьевъ въ ихъ блистательномъ и законномъ движеніи. Но до сихъ поръ не поставленъ вопросъ, гдѣ начало нашего раздѣленія съ Западомъ, съ какого мѣста надо чинить поврежденный корабль. При всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, славянофилы высказали одну безусловную истину: природа русскаго народа религіозная, въ религіи Россія должна сказать свое слово. Глубокая драма Россіи—несоотвѣтствіе между религіознымъ призваніемъ и церковной дѣйствительностью, между вселенскимъ христіанствомъ, къ которому устремляется душа Россіи, и провинціальнымъ, казеннымъ, бытовымъ строеніемъ русской церкви. Здѣсь мы являемся наслѣдниками стараго византійскаго недуга.

Съ 1054 года, когда порвались послѣднія нити, связывавшія насъ съ Западомъ, мы не знали, что такое «церковное развитіе», «церковная цивилизація». Въ своемъ одностороннемъ аскетизмѣ византійскій Востокъ отвергъ заботы о мірѣ, выбросилъ понятія государства, права, науки, искусства изъ церковной ограды, выбросилъ все это, какъ негодный хламъ, и получилась мрачная картина: народъ, воспитанный въ церкви, не понимаетъ, что такое право, законъ, честь, вѣрность. Интеллигенція, принявшая съ Запада эти начала, безсильна передъ народной стихіей. Двойственностью началъ нашей культуры подточила

наше национальное бытие: безрелигиозная интеллигенция, живущая блѣдными отраженіями западныхъ идеаловъ, и еще вчера религиозный народъ, чуждый западныхъ началъ, а теперь чуждый и религии,—эти двѣ стихіи явились непримиримыми врагами и «количество» торжествуетъ надъ «качествомъ». Необходимо новый религиозный посылъ съ Запада, необходима ликвидация союза, возникшаго въ XI вѣкѣ, необходимо то, о чемъ говорилъ Чаадаевъ, мысли котораго столь же современны, какъ утопичны и вредны мечты славянофиловъ. Европейецъ, по мнѣнію Чаадаева, съ молокомъ матери впиваетъ святыя понятія права, свободы, закона; русскій чуждъ этихъ понятій, потому что не нашелъ ихъ въ византійской формѣ христіанства. Русская религиозная психологія всегда была «рабской психологіей», и не случайно величайшій подъемъ русской национальной теократіи, учрежденіе патріаршества при Ѳедорѣ Ивановичѣ, совпало съ закрѣпощеніемъ крестьянъ. Опутанный византизмомъ, русскій человѣкъ долженъ выбирать между идеями церкви и свободы, надо показать ему церковь какъ свободу, церковь, чуждую національнаго сепаратизма и государственныхъ интересовъ. Та духовная болѣзнь, отъ которой теперь не только разваливается Россія,—результатъ упадка старой религиозности, а также послѣдствіе односторонняго уклона этой религиозности къ буддѣйскому недѣланію, восточному пассивизму. Восточное православіе слишкомъ вобрало въ себя платонизмъ и отравилось его ядомъ. Для платонизма этотъ міръ—только блѣдная копія истиннаго, платонизмъ теряетъ интересъ къ дѣйствительности, и отсюда жалкій идеалъ платонова государства, изъ котораго изгнано искусство, въ которомъ узаконена общность женъ. Активный Западъ не случайно предпочелъ Платону Аристотеля, съ его снятіемъ противоположенія между міромъ идеальнымъ и чувственнымъ, съ его динамическимъ пониманіемъ мирового процесса.

Намъ иронически возразятъ, что мы предлагаемъ исцѣлять реальную болѣзнь народа отвлеченнымъ, религиознымъ лекарствомъ. Но неужели не очевидно теперь, что крахъ русской исторіи не выводили изъ матеріальныхъ факторовъ, что мы имѣемъ дѣло съ глубокой, духовной болѣзью Россіи? Равнодушіе общества къ вопросамъ духа, ученый нигилизмъ интеллигенціи и бытовой нигилизмъ народа—все это неизбѣжно привело къ обезсмысливанію нашего національнаго бытія, къ тому, что мы по справедливости дѣлаемся добычей народовъ болѣе нравственныхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ. Можно «объяснить» тотъ сатанинскій водевиль, который разыгрываетъ сейчасъ Россія на европейской сценѣ, но «оправдать» его значитъ становиться его участникомъ и брать на себя долю моральной отвѣтственности за ту мировую подлость, которую устраиваютъ дикіе вожди дикаго народа. Любить недостатки дорогого человѣка, будь это твоя мать или твой сынъ,—великій грѣхъ противъ Бога; не меньшій грѣхъ и любовь къ порокамъ своего народа. Наше милосердіе и всечеловѣчность не оправдываютъ нашего безчестія, нашей злой сентиментальности. Мы не оправдывали Россію въ стремленіи разгромить германскій Западъ, не оправдываемъ ее и въ стремленіи предать союзниковъ, съ которыми мы связаны договоромъ. И опять вспоминается незабвенный В. В. Розановъ, изрекшій въ началѣ войны такой перлъ: «Розановъ вскочетъ на тронъ Гогенцоллерновъ, сплунетъ на сторону горностаевую мантию, и покроетъ все своимъ халатомъ». Розановъ—правый, большевики—лѣвые. Но стремленія точь-въ-точь одинаковы. Теперь уже мы вскочили на всѣ европейскіе троны, «сплонули на сторону горностаевыя мантии» и накрыли все нашимъ христіанскимъ халатомъ. Но близокъ часъ расплаты. И Западъ будетъ правъ, когда въ отвѣтъ на нашу вакханалію, ограничится двумя словами: *écraser l'infâmé*.

Священникъ *Сергій Соловьевъ*.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПРАПОРЩИКА-АРТИЛЛЕРИСТА.

Сегодня получилъ твое письмо, въ которомъ пишешь о томъ, что прочла, будто я раненъ и эвакуированъ. Какое твое письмо грустное, какое усталое и какое любящее. Я уже давно телеграфировалъ тебѣ, что я живъ и здоровъ. Надѣюсь, что ты телеграмму получила и очень обрадовалась тому, что тебѣ пришлось лишь удивиться, что у меня нашелся однофамилецъ да притомъ еще въ томъ же чинѣ. Писемъ я тебѣ давно не писалъ, послѣднее большое письмо послалъ тебѣ съ Е.

Недавно получилъ письмо отъ сестры Маріи, она меня спрашивала, права ли она въ своемъ наблюдении, что прощаясь взоромъ съ тобой съ площадки уходившаго на фронтъ юнѣзда, я смотрѣлъ на тебя такъ, какъ будто просилъ у тебя прощенія, и если она права, то въ чемъ же я чувствовалъ себя виноватымъ. Я объяснилъ ей, что чувствовалъ себя виноватымъ за ту боль, что долженъ былъ причинить тебѣ, рѣшивъ въ сущности добровольно снова ѣхать на фронтъ. Фронтъ это мой домъ, а отчасти быть можетъ и моя другая любовь, а вѣдь долгъ всякой другой любви ощущается по отношенію къ женѣ, какъ вина и измѣна. Но мнѣ не хочется писать объ этомъ, такъ много нужно сказать другого и сейчасъ быть можетъ болѣе важнаго.

Это письмо вѣроятно я отправлю тебѣ съ докторомъ Б. или съ его женой, что 16-го поѣдутъ въ Москву на Тверскую.

Сейчасъ восемь часовъ вечера. Около двѣнадцати утра пріѣхалъ съ батареи, въ которой пробылъ полтора сутокъ, и чувствую себя, несмотря на то, что спалъ послѣ обѣда, очень усталымъ и нервно свинченнымъ. Глаза рѣжетъ, голова словно проплываетъ сквозь какой-то туманъ, а въ мозгу то темнѣетъ, то свѣтлѣетъ. Своимъ правымъ ухомъ я отчетливо слышу совсѣмъ легкія потрескиванія въ печкѣ, а лѣвымъ какое-то камариное жужжаніе скверной лампы. Ежедневные рѣзкіе раскаты орудій и ребятушій лепетъ «мамуня, мамуня» за дверью меня сегодня почему-то страшно волнуютъ. Глаза внимательны, и черезъ нихъ на мозги болѣзненно давятъ всѣ краски, пятна, блики и тѣни комнаты. Пальцамъ трудно держать ручку и буквы лишь съ трудомъ слагаются въ читаемыя слова. Сердце то стонетъ и бьется въ груди какою-то вѣщею птицей, то кружить и вьется надъ всѣмъ пережитымъ, зорко высматривая въ немъ свое туманное будущее.

Какъ я усталъ Наташа, какъ я хочу сейчасъ съсѣсть съ тобою на нашъ красный диванъ. Я многое хочу

сказать тебѣ, но не говорю, ибо помню, какъ ты писала мнѣ, что у общенія въ разлукѣ есть свои строгія формы, которыя нельзя нарушать, сказать же въ нихъ о тайнѣ жизни, неразлученныхъ судьбой все равно никогда не сказать.

Сейчасъ уже не помню какого числа, но кажется это было въ ночь съ 21-го на 22-е я проснулся въ два часа ночи отъ страшнаго гула. Я засыпалъ подь шумъ, трескъ и, знаешь, какой-то приливающей и отливающей вой топящейся печки. Проснувшись, я въ первую минуту подумалъ, что печка что-то очень разбушевалась, но уже во вторую сообразилъ, что печь погасла, такъ какъ противъ постели на полу не дрожать красныя пятна, на которыя я такъ люблю смотрѣть по вечерамъ.

Сталъ прислушиваться и понялъ, что на нашемъ фронтѣ разгорается страшный бой. Артиллерійская стрѣльба была такъ сильна, что ухо не различало ни одного выстрѣла, ни одного разрыва; стоялъ какой-то слитный морской гулъ, стонъ и вой.

Сердце сразу захолонуло, захватило духъ и передъ глазами сразу и уже на всю ночь встали окопы, наши наблюдательные пункты. А на нихъ кто? Вася, Евгений, Литць или Южевичъ...

Здѣсь, въ ближайшемъ тылу, въ десяти-пятнадцати верстахъ отъ фронта, объективный ужасъ боя, боль свершающагося безумія чувствуется какъ-то особенно остро. Этой остроты я не зналъ ни тогда, когда самъ былъ въ первой линіи, ни тогда, когда самъ былъ въ глубокомъ тылу. Думаю потому, что этотъ ужасъ и эта боль въ первой линіи заслонены отъ тебя образомъ твоей личной смерти, а въ тылу образомъ твоей личной жизни. Тутъ же въ паркѣ, въ боевой бездѣятельности, внѣ жизни и внѣ смерти, я словно на наблюдательномъ посту всемірной войны.

До сѣраго разсвѣта я не спалъ. Утромъ всталъ въ девять и, выйдя на крыльцо своей халупы, увидалъ, какъ внизу по главной улицѣ деревни тянутся длинной вереницей конныя носилки съ ранеными. Было страшно, грустно, тревожно и сгидно за свою тыловую праздность и безопасность. Пусть моя нога настолько слаба, что не позволяетъ мнѣ ранить и убивать враговъ, она все же достаточно сильна, чтобы я самъ могъ быть раненымъ и убитымъ. А въдѣ нравственную приговоренность къ участию въ войнѣ я никогда не ощущалъ какъ обязанность убивать, а всегда какъ обязанность быть съ тѣми, что поставлены судьбою глядѣть въ лицо смерти. Думая всѣ эти думы, я однако ясно сознавалъ, что всѣ онѣ бездѣятельны и мертвы, и не столько потому, что я конечно хочу для себя жизни и счастья, (эти желанія въ концѣ-концовъ поборимы) сколько по совершенно непоборимому физическому отвращенію ко всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ и орудіямъ войны: къ пушкамъ, прицѣламъ, картамъ, трубамъ, окопамъ и т. д. Но объ этомъ я, кажется, уже писалъ тебѣ болѣе подробно.

Въ три часа во время обѣда пришелъ Семеша и доложилъ, что ко мнѣ пріѣхалъ поручикъ Г-й и прапорщикъ Б. Я велѣлъ просить ихъ обѣдать, а самъ черезъ нѣсколько секундъ пошелъ имъ на встрѣчу.

Когда я вышелъ наружу, они уже подходили къ халупѣ. Женя Г-й, самъ какой-то совершенно необыкновенный, усталый, слабый, съ подведенными черными глазами вель подь руку еле переступавшаго, согнувашагося, осунувашагося, блѣднаго, съ крова-

выми глазами и тоже съ подведенными какъ у актера вѣками Генриха Б. Я не сразу понялъ въ чемъ дѣло. Оказалось, что страшная ночная стрѣльба означала для батарей нашего дивизиона невѣроятный газовый обстрѣлъ. Женя везъ въ лазаретъ Б. Кромѣ Б. какъ отравленные, выбыли изъ бригады Архиповичъ (онъ кромѣ отравленія еще легко раненъ въ голову), Куманинъ, «знатокъ народа», Грабовскій и 150 солдатъ.

Всѣ пережившіе «газы» въ одинъ голосъ говорятъ, что по силѣ нравственнаго потрясенія никакой обстрѣлъ, никакими колибрами не можетъ сравниться съ газовыми снарядами.

Обстрѣлъ третьей батареи начался ровно въ два часа ночи. Начался сразу же страшно интенсивно. Огъ первой же очереди въ окопѣ вылетѣли всѣ стекла. Поручикъ Л. впопыхахъ выскочилъ было изъ окопа, но немедленно же съ крикомъ «газы» кинулся обратно.

Всѣ схватились за маски, напялили ихъ и бросились на батарею открывать заградительный огонь. Нѣмцы все время вели обстрѣлъ отвратительно мѣрный и беспощадный, не меньше десяти снарядовъ въ минуту.

Ты представь себѣ только. Ночь, темнота, надъ головами вой, плескъ снарядовъ и свистъ тяжелыхъ осколковъ. Дышать настолько трудно, что, кажется, вотъ-вотъ задохнешься. Голоса въ маскахъ почти не слышно, и чтобы батарея приняла команду, офицеру нужно ее почти на ухо передать каждому орудійному наводчику. При этомъ ужасная неизвестность окружающихъ тебя людей, это одиночество проклятаго трагическаго маскарада: бѣлые резиновые черепа, квадратные стеклянные глаза, длинные зеленые хобота. И все это въ фантастическомъ красномъ сверканіи разрывовъ и выстрѣловъ. А надъ всѣмъ безумный страхъ, страхъ тяжелой, отвратительной смерти: нѣмцы стрѣляли пять часовъ, а маски расчитаны на шесть. А прятаться нельзя, надо работать. При каждомъ шагѣ колеть легкія, опрокидываетъ навзничъ и усиливается чувство удушья. А надо не только ходить, надо бѣгать. Быть можетъ ужасъ газовъ ничѣмъ не характеризуется такъ ярко, какъ тѣмъ, что въ газовомъ облакѣ никто не обращалъ никакого вниманія на обстрѣлъ, а обстрѣлъ былъ страшный, на одну третью батарею легло болѣе тысячи снарядовъ.

Женя говоритъ, что утромъ по прекращеніи обстрѣла видъ батареи былъ ужасный. Въ разсвѣтномъ туманѣ люди какъ тѣни: блѣдные, съ глазами налитыми кровью и съ углемъ противозаговъ, осѣвшемъ на вѣкахъ и вокругъ рта; многихъ тошнить, многіе въ обморокъ, лошади всѣ лежатъ на коновязи съ мутными глазами, съ кровавой пѣной у рта и ноздрей, нѣкоторыя бьются въ судорогахъ, нѣкоторыя уже подошли.

Б. передохнулъ у насъ, попилъ чаю и мы повезли его съ Женей дальше въ лазаретъ. Въ лазаретѣ его сердечно встрѣтили знакомые врачи, дали ему коньяку, поставили койку въ своей комнатѣ, ободрили, уложили. Пришелъ еще одинъ офицеръ нашей же дивизии, но пѣхотинецъ, со здоровымъ веселымъ, широкимъ смѣющимся лицомъ и съ лѣвой рукою въ большой повязкѣ. Оказалось, что ему перешибло плечевой суставъ и что онъ пріѣхалъ изъ Панорскаго перевязочнаго отдѣленія, гдѣ ему только что сдѣлали операцию и положили перевязку. Боли онъ не чувство-

валь и съ невѣроятною дѣльностью, скромностью и юморомъ разсказывалъ, какъ онъ велъ батальонъ, какой былъ шалый огонь, какъ его ранило, когда онъ уже почти что выскочилъ изъ полосы заградительнаго огня, и какъ ему было страшно, уже раненому, снова бросаться черезъ этотъ же заградительный огонь, чтобы попасть обратно въ тылъ на перевязочный пунктъ.

Я сидѣлъ и слушалъ, и было все такъ хорошо, уютно и уютно. Былъ бой—въ общемъ удачный для насъ; нѣмцы было заняли наши окопы, но были выбиты огнемъ нашей тяжелой артиллеріи,—*все вполне понятно*. Потери наши въ общемъ невелики, Б., Женья и другіе отравленные офицеры *отравлены, кажется, не очень сильно*, операция руки Колодезникова удалась, онъ бодръ и его не температурить—*это хорошо*.

Всѣ мы сидимъ въ теплой, чистой, хорошо обставленной комнатѣ фольварка «Адамовка». За стѣной тихая старушка, хозяйка фольварка, что молится за всѣхъ насъ (я писалъ тебѣ о ней) раскладываетъ «пасьянсъ». Мы пьемъ чай съ коньякомъ и скоро движемся съ Женей въ саняхъ по весеннему воздуху въ Завалувъ, въ штабъ корпуса, гдѣ Евгений останется ночевать у брата Владимира,—все это совсѣмъ хорошо и даже уютно.

Такъ всегда чувствуется, пока душа какъ бы имманентна войнѣ, но въ послѣднее время со мной все чаще случается, что я, какъ лошадь изъ оглобелъ, какимъ-то однимъ уже выработавшимся прыжкомъ выбиваюсь изъ этой гипнотизирующей имманентности и тогда все кругомъ становится тѣмъ, что оно дѣйствительно есть,—сплошнымъ ужасемъ и безуміемъ.—*абсолютною непонятностью*.

Непонятно, кто мы, гдѣ мы, и зачѣмъ мы вмѣстѣ. Непонятна весна за окномъ и какая-то старуха за пасьянсомъ. Раскаты выстрѣловъ за горами и жиденькій рояль за дверью. Непонятно, почему на рукѣ у веселаго Колодезникова бѣлая повязка, и что значитъ, что Генриха Б. отравили враги нѣмцы, когда нѣмцы—это Риккертъ, Кронеръ, Мелисъ, фрау Грамлихъ, Гейдельбергъ и Фрейбургъ. Непонятно, что значитъ война, заградительный огонь, атака, и уже совсѣмъ, до спазмы въ сердцѣ, до обморока непонятно, что значитъ человѣкъ съ чугуннымъ дномъ шестидюймоваго снаряда, вмѣсто вырваннаго этимъ снарядомъ лица, который знаками проситъ доктора заживо похоронить его и радостно киваетъ головой, убѣдившись, что докторъ послѣ нѣсколькихъ недоразумѣній, наконецъ-то правильно понялъ его.

О Господи, когда же, наконецъ, все человѣчество высвободится изъ тисковъ этого проклятаго прагматическаго пониманія и пойметъ, что для цѣлаго ряда вещей единственною формою адекватнаго постиженія является безуміе?

Было уже почти темно, когда мы съ Евгениемъ, разставшись съ врачами и Б., сѣли въ сани и по черному оттаявшему шоссе межъ печальныхъ бѣлыхъ холмовъ грязными деревнями въ тусклыхъ огняхъ потащились въ Завалувъ. Лошади по камнямъ шли почти все время шагомъ; правый полозъ грозилъ стертись; мы боялись, какъ бы не пришлось добираться пѣшкомъ. Говорили мало, лишь изрѣдка Евгений добавлялъ какую-нибудь деталь пронесшейся надъ ними страшной ночи. Нѣсколько разъ онъ схватывался за сердце и говорилъ: «Опять газы». Въ головѣ и ушахъ

у него все время свистѣли полеты и хлопали разрывы снарядовъ. Я знаю, какъ оно свиститъ въ ушахъ, я сейчасъ еще помню «Яблоницу», «Походай», «Ветлинь» и «Ауць»...

Я ѣхалъ, все чувствовалъ, все осязалъ глазами и душою, все понималъ: я ничего не понималъ. Женья также все подлинно постигалъ непониманіемъ всего, и потому сказалъ: «а вѣдь, можетъ быть, Николай Федоровичъ, за этимъ холмомъ будетъ Москва или Арзамасъ»,—«конечно можетъ быть», отвѣчала я ему,—мы подѣзжали къ «Завалуву».

Владимира на квартирѣ не было. Онъ былъ въ своемъ оперативномъ отдѣленіи въ штабѣ корпуса. Мы зажгли у него на столѣ лампу и послали за нимъ его деньщика, Ивана Карпова. Черезъ нѣсколько минутъ Владимиръ прибѣжалъ веселый и бодрый съ ворохомъ интересныхъ бумагъ подъ мышкой, со свѣжими нѣмецкими радиотелеграммами, возвѣщавшими о важныхъ событіяхъ въ Россіи;—онъ, конечно, уже слышалъ о газовой атакѣ, но вотъ разница—онъ ея не пережилъ; она не застряла у него въ утомленномъ мозгу, въ сердечныхъ спазмахъ, въ накачивающихся временами воспоминаній запаха и шума, и потому она для него кончилась тѣмъ, что «мы удержали окопы». Она кончилась и онъ дѣятельно и бодро перешелъ къ очереднымъ дѣламъ. Стоя у стола, онъ звонко читалъ нѣмецкія радиотелеграммы, молодой и оживленный—и совершенно не замѣчалъ, что Евгений *ничего* не слушаетъ и не понимаетъ, что онъ не слушаетъ потому, что у него въ переносицѣ стоитъ запахъ газовъ, а въ ушахъ плескъ и свистъ разрывовъ.

Когда Владимиръ кончилъ, Евгений сказалъ: «а, знаешь, Володя, пожалуй, «Челка» падетъ, она сегодня лежала такая несчастная», на что тотъ отвѣтилъ: «ну она вѣдь глубокая старушка». А помнишь, Наташа, какъ мнѣ тотъ же Владимиръ писалъ въ лазаретъ о гибели «Асманъ», сломавшаго себѣ ногу, о «взорѣ лошади, котораго никогда не забыть».

Да, безконечно много значитъ *видѣть*. Не видѣвший, не пережившій войны никогда въ ней ничего не пойметъ, т.-е. не откажется отъ пониманія, объясненія и оправданія ея. Уже кажется, Владимиръ пережилъ войну, пережилъ всѣ ея ужасы, а и онъ начинаетъ забывать.

Поужинавъ, мы прошли въ оперативную штаба. Тамъ сидѣли нѣсколько офицеровъ: каждый за *своимъ* столомъ при *своей* лампѣ и въ ворохѣ *своихъ* бумагъ. За спиной у каждого карты, съ синими и красными изображениями линій нашихъ и нѣмецкихъ окоповъ. Во всемъ непосредственно глазу доступная *вытравленность всякой реальности*—все схема, цифра, сводка, исходящая, входящая, телефонограмма, радиограмма, «наштакоръ» «наштазатъ», но совсѣмъ не ночь, дождь, глина, мокрая нога и горячій затылокъ, лихорадочная, бредовая тоска о прошедшемъ и сладкая мечта о грядущемъ, проклятіе безотвѣтнаго повиненія и проклятіе безотвѣтнаго приказанія, развратная ругань, «мордобитіе» передъ атакой, отчаянный страхъ смерти, боль, крики, ненависть, одинокое умираніе, помѣшательство, самоубійство, изступленіе неразрѣшимыхъ вопрошаній, почему, зачѣмъ, во имя чего? А кругомъ гулъ снарядовъ, адскія озаренія краснымъ огнемъ... О Господи, развѣ кому-нибудь передать это.

Помнишь наши споры? Я всегда утверждалъ, что пониманіе есть по существу отождествленіе. Война

есть безуміе, смерть и разрушеніе, потому она можетъ быть дѣйствительно понятна лишь окончательно разрушеннымъ душевно или тѣлесно—сумасшедшимъ и мертвецамъ.

Все, что можемъ сказать о ней, мы, оставшіеся въ живыхъ и въ здоровомъ разумѣ, если и не абсолютно не вѣрно, то глубоко недостаточно.

Ну пока досвиданья, сейчасъ часъ ночи. Завтра буду продолжать.

... Какъ обѣщаль, такъ и продолжаю. Въ качествѣ вступленія долженъ сказать, что чувствую себя въ послѣднее время очень нехорошо. Страшная жажда вырваться отсюда, страшная тоска по тебѣ и Москвѣ. Отвратительная разбѣянность, которая между прочимъ печально отразилась на моемъ карманѣ, такъ

какъ я прохозяничаль своихъ рублей сто. Рѣшительно не могу считать, записывать, провѣрять,—ну, можетъ быть, еще найдутся.

Важнѣе то, что совершенно не могу читать ничего серьезнаго, и лишь при опредѣленномъ напряженіи воли могу писать письма. Да и то все пишу только тебѣ, передъ мамой очень грѣшенъ.

Писать дальше не могу. Сейчасъ пріѣхаль командиръ изъ лазарета и прислалъ за мной своего денщика, который утверждаетъ, что будто есть свѣдѣнія, что въ Петроградѣ революція...

О если бы это оказалось правдой.

Н. Лугинъ.

4 марта 1917 года.

Рудники на Золотой Линіи.

ВОЗМОЖНА ЛИ ДЕВАЛЬВАЦІЯ РУБЛЯ?

Статья Я. А. Галяшкина.

Чѣмъ ближе подходимъ мы къ концу той міровой трагедіи, которая сейчасъ разыгрывается, тѣмъ рельефнѣе вырисовываются передъ нами безотрадныя перспективы нашего экономическаго разоренія. Всего острѣе оно ощущается въ переживаемой нами финансовой катастрофѣ, развертывающейся въ грандіозныхъ размѣрахъ и съ необычайной быстротой. Господство черни и фантастическіе декреты смольныхъ помпадуровъ, вѣроятно, доведутъ этотъ процессъ до его послѣднихъ крайнихъ предѣловъ и заставятъ русскій народъ опуститься на самое дно той бездны, которая вырыта передъ нимъ царскимъ самодержавіемъ, несчастной войной, его собственнымъ невѣжествомъ и подлымъ предательствомъ.

Но такова уже природа человѣка. Мы еще не испили до дна нашу горькую чашу, мы еще не знаемъ, какія ядовитыя зелья опускаютъ въ нее сейчасъ колдуны изъ Смольнаго, а мысль уже ищетъ тѣхъ путей, по которымъ должно будетъ пойти оздоровленіе нашей экономической жизни и тѣхъ средствъ, которыми могли бы быть налажены наши разстроенные финансы. Среди этихъ средствъ многие вполне компетентные голоса называютъ и девальвацію рубля. Вопросъ этотъ далеко, однако, недостаточно еще выясненъ и въ немъ есть такія стороны, которыя полезно освѣтить во избѣжаніе слишкомъ поспѣшныхъ заключеній.

Прежде всего, что такое девальвація? *Девальвація есть официальное измѣненіе установленнаго закономъ отношенія данной монетной единицы къ ея металлическому основанію.* Слѣдовательно, у насъ, при настоящихъ условіяхъ, девальвація означала бы или уменьшеніе вѣса золотой монеты съ сохраненіемъ ея наименованія или признаніе обращающихся нынѣ кредитныхъ билетовъ равными лишь части ихъ золотой валюты. Въ первомъ случаѣ, девальвація практически осуществлялась бы соответствующей перекалкой нашей золотой монеты, во второмъ—обмѣномъ настоящихъ кредитныхъ билетовъ на новые съ обезпеченнымъ размѣномъ на золото, при чемъ обмѣнъ совершался бы съ соответствующей размѣрамъ девальваціи потерей. Примѣнительно къ международнымъ расчетамъ, въ первомъ случаѣ, золотой паритетъ на иностранную валюту повысился бы, т. е., золотой франкъ, фунтъ, долларъ и т. д. при сохране-

ніи ими прежняго вѣса стали бы стоить на русскія деньги соответственно дороже; во второмъ случаѣ, этотъ паритетъ остался бы безъ измѣненія.

Вопросъ о томъ, который изъ указанныхъ двухъ способовъ девальваціи былъ бы въ конкретныхъ русскихъ условіяхъ предпочтительнѣе, есть, въ свою очередь, вопросъ весьма сложный, такъ какъ всякое измѣненіе въ денежной системѣ неминуемо тотчасъ же отражается на всемъ комплексѣ экономическихъ отношеній страны, но, какое бы рѣшеніе ни давалось этому вопросу, чисто финансовыя цѣли, преслѣдуемая девальваціей, остаются неизмѣнными и сводятся къ восстановленію золотого обращенія въ странѣ. Поэтому, для рѣшенія вопроса о цѣлесообразности девальвированія русскаго рубля надо предварительно рѣшить вопросъ о цѣлесообразности и возможности въ настоящихъ условіяхъ русской экономической дѣйствительности восстановленія, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ золотого обращенія.

При этомъ надо имѣть въ виду, что фактической размѣнъ кредитныхъ билетовъ на металлъ для денежнаго обращенія внутри страны отнюдь не играетъ рѣшающей роли. Напротивъ, если мыслить внутреннее денежное обращеніе *изолированно*, безотносительно къ международному торговому обороту, то при условіи устойчиваго бюджета, нормальной экономической жизни и осторожнаго пользованія эмиссионнымъ правомъ весьма легко допустить вполне благополучную циркуляцію кредитныхъ билетовъ и безъ specialнаго обезпеченія ихъ металломъ. Золотое обезпеченіе нужно не столько для внутренняго, сколько для внѣшняго рынка. Для послѣдняго, дѣйствительно, важно, чтобы страна имѣла возможность покрывать сальдо своего торговаго баланса, если онъ складывается не въ ея пользу, вполне безспорной цѣнностью, каковой до послѣдняго времени и почиталось золото. Въ противномъ случаѣ, экономически болѣе слабая страна будетъ всегда въ проигрышѣ какъ вслѣдствіе того, что она будетъ лишена возможности вліять на установленіе товарныхъ цѣнъ, которыя для нея будутъ связаны съ вопросомъ кредита, такъ и вслѣдствіе того, что ея валюта явится игрушкой, предметомъ самостоятельной спекуляціи, въ рукахъ ея болѣе сильныхъ контро-агентовъ.

Съ указанной точки зрѣнія, конечно, скорѣйшее возстановленіе золотого обращенія хотя бы цѣною девальвации являлось бы для Россіи чрезвычайно жизненнымъ вопросомъ. Всѣ невыгоды бумажно-денежнаго обращенія она уже испытала на себѣ, какъ до установленія золотой валюты, такъ и за годы войны и, несомнѣнно, еще тяжелѣе испытаетъ въ будущемъ. Но противъ этихъ соображеній необходимо, къ сожалѣнію, выдвинуть и рядъ другихъ.

Уже послѣдніе годы передъ войной торговый балансъ Россіи неизмѣнно складывался не въ ея пользу и ей систематически приходилось покрывать разницу золотомъ. Это было неприятно, но поправимо: кошелки ея бывшихъ союзниковъ были къ ея услугамъ и золотая валюта могла быть довольно легко поддерживаема. Но при настоящихъ условіяхъ, когда русскій государственный кредитъ болѣе не существуетъ, когда налицо имѣется абсолютная невозможность заключенія какихъ бы то ни было внѣшнихъ займовъ, нетрудно представить себѣ, что угрожало бы Россіи при попыткѣ съ ея стороны возстановить у себя золотое обращеніе.

Картина будущихъ торговыхъ отношеній Россіи нарисована вполне откровенно и совершенно отчетливо въ тѣхъ условіяхъ мира, которыя предложены большевикамъ нѣмцами. Прежде всего эти отношенія будутъ носить для Россіи односторонне принудительный характеръ, такъ какъ большевистское правительство должно обязаться передъ Германіей не только всемѣрно содѣйствовать торговлѣ Россіи съ германскимъ союзомъ, но и всѣми имѣющимися у него въ распоряженіи средствами устранять всякія препятствія къ таковой торговлѣ. Чтобы понять, насколько тяжелы будутъ для Россіи условія подобнаго торговаго обмѣна, достаточно вспомнить о характерѣ торговли съ первобытными дикарями Африки и Тихоокеанскихъ острововъ. Но этого мало и, если большевики притворяются, что они не знаютъ, чѣмъ торгуютъ на фронтѣ наши солдаты, то нѣмцы не считаютъ нужнымъ, съ своей стороны, это скрывать. Они опредѣленно указываютъ, что при настоящихъ условіяхъ Россія не въ состояніи вывозить на международный рынокъ обычные предметы своего экспорта; между тѣмъ ея потребность во ввозѣ издѣлій европейской—въ данномъ случаѣ германской—промышленности огромна. Поэтому Германія соглашается помѣстить на своемъ внутреннемъ рынкѣ ненужное болѣе Россіи ея военное снаряженіе и дать взаменъ свои фабрики. Надо полагать, что и въ будущемъ, по заключеніи мира, Германія не откажется отъ своей точки зрѣнія и что право на выборъ предметовъ вывоза изъ Россіи она будетъ считать принадлежащимъ ей. Наконецъ, фиксацію курса рубля Германія также считаетъ своей прерогативой въ качествѣ побѣдительницы. По газетнымъ свѣдѣніямъ, Германія готова принимать 100 рублей за 175 марокъ. По сравненію съ паритетомъ до-военнымъ рубль оцѣнивается такимъ образомъ Германіей приблизительно на 20% дешевле, другими словами, на каждые 100 миллионъ рублей торговаго оборота мы должны будемъ платить Германіи около 20 миллионъ контрибуціи только на денежномъ курсѣ. А, если принять во вниманіе, что этотъ курсъ явится только официальнымъ, то легко себѣ представить, какую дойную корову русскій потребитель, а въ будущемъ и русскій крестьянинъ будетъ изображать собой для *свободнаго* германскаго рынка. Въ условіяхъ подобной перспективы, угро-

жающей Россіи, разумѣется, думать о возстановленіи золотого денежнаго обращенія не приходится, такъ какъ всякая попытка въ этомъ направленіи привела бы немедленно къ ликвидаціи ея золотого запаса.

Но даже независимо отъ проектируемыхъ условій мирнаго договора съ Германіей нельзя не усомниться въ цѣлесообразности девальвированія рубля. Всякая девальвация имѣетъ за собой оправданіе лишь въ томъ случаѣ, если она, дѣйствительно, способна радикально упорядочить денежное обращеніе, а для этого нужно, во-первыхъ, чтобы курсъ девальвируемой валюты прочно установился и, во-вторыхъ, чтобы была налицо увѣренность въ полной возможности удержать новую валюту послѣ девальвации отъ дальнѣйшихъ потрясеній. Поскольку наступленія этихъ условій нельзя еще ожидать въ ближайшемъ будущемъ, постольку бесполезно говорить пока и о девальвации рубля.

Надо, впрочемъ, сказать, что конъюнктура будущего международнаго денежнаго рынка представляется вообще весьма неясной. Кризисъ денежнаго обращенія будутъ, несомнѣнно, переживать всѣ участники міровой войны, и въ данный моментъ нѣтъ еще никакихъ опредѣленныхъ указаній на то, какъ имъ удастся изъ этого кризиса выйти; но, конечно, Россіи придется приспособляться къ тому, что будетъ сдѣлано ея партнерами, и самостоятельные пути врядъ ли для нея окажутся возможными.

Одно положеніе является, повидимому, безспорнымъ. Россія не въ состояніи будетъ выдержать свободнаго международнаго торговаго обмѣна въ виду колоссальнаго паденія ея вывоза. Поэтому, въ ту мѣру, въ какую Россія еще сохранить за собой право распоряженія своими экономическими судьбами, она должна будетъ стремиться къ тому, чтобы поставить свою международную торговлю подъ самый тщательный государственный контроль, задачей котораго явилось бы балансированіе русскаго ввоза и вывоза по отдѣльнымъ странамъ. Только такимъ путемъ, а отнюдь не попытками возстановленія у насъ золотого обращенія, могли бы быть парализованы печальныя послѣдствія финансовой немощи Россіи и страна получила бы возможность окрѣпнуть въ финансовомъ отношеніи и собраться съ силами для реорганизации своей денежной системы. Вѣроятно, этимъ же или подобнымъ путемъ пойдутъ и другіе участники настоящей войны.

Къ сожалѣнію, господа, въ рукахъ которыхъ Россія сейчасъ корчится въ агоніи, черезчуръ мало принимаютъ во всѣхъ этихъ вопросахъ, чтобы можно было серьезно надѣяться на то, что хоть какой-нибудь выходъ изъ германской западни ими будетъ оставленъ для Россіи. Можно опасаться, напротивъ, что именно въ экономической области, въ которой Германія наиболѣе заинтересована и въ которой поддерживающая Смольный чернь всего менѣе способна разбираться, всѣ клапаны и всѣ щели будутъ съ особенной старательностью задѣланы и для Россіи въ будущемъ останется лишь трагическая альтернатива: или погибнуть въ экономическомъ отношеніи, довольствуясь ролью навоза для Германіи-побѣдительницы, или попытаться насильственно сбросить съ себя ту петлю, которая накидывается ей сейчасъ на шею совместными усиліями германскихъ империалистовъ и русскихъ большевиковъ.

Во всякомъ случаѣ, горькая чаша, выпавшая на долю несчастной Россіи, еще не выпита ею до дна.

Я. Галышкинъ.

НА ДОНУ.

НАКАНУНЪ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

I.

События, разыгравшиеся на Дону, назрѣвали исподволь. Донское войсковое правительство, во главѣ съ Калединымъ, дѣлало огромныя усилія, чтобы предотвратить ихъ.

Послѣ большевистскаго переворота и вслѣдъ за паденіемъ временнаго правительства войсковое правительство взяло на себя по отношенію къ Донской области всю полноту власти, заявивъ, что оно тотчасъ же сложитъ съ себя эти чрезвычайныя полномочія, какъ только во главѣ Россіи встанетъ уполномоченное и признанное всѣмъ народомъ правительство.

25-го октября войсковое правительство ввело военное положеніе въ Донецкомъ углепромышленномъ районѣ. Въ особомъ обращеніи къ рабочимъ, изданномъ по этому поводу, войсковое правительство такъ аргументировало это свое рѣшеніе. Въ Донецкомъ районѣ «уже давно начались беспорядки, принявшіе въ послѣднее время анархическій характеръ». Командированная на мѣста войсковымъ правительствомъ особая коммиссія установила, что «подъ влияніемъ... пропаганды прибывшихъ изъ Германіи агитаторовъ, 26-го октября должна начаться всеобщая забастовка». Вотъ тѣ основанія, почему войсковое правительство, «отстаивая интересы не только Донской области, но и всего государства», ввело военное положеніе въ углепромышленномъ районѣ. Позднѣе, 2-го ноября, «въ виду развивающагося большевистскаго движенія и пропаганды» военное положеніе было объявлено также и въ черкасскомъ, ростовскомъ и таганрогскомъ округахъ съ гг. Ростовомъ, Новочеркасскомъ, Таганрогомъ и Азовомъ. Но тревога на Дону растетъ и 14-го ноября войсковой атаманъ уже вынужденъ обратиться къ населенію съ воззваніемъ по поводу слуховъ о выступленіи большевиковъ. «Для подобнаго рода опасеній и тревоги,—заявляется въ этомъ обращеніи,—нѣтъ основаній, такъ какъ мѣры для охраны города и предотвращения какихъ-либо беспорядковъ приняты».

Въ эти дни войсковому правительству приходится выдерживать ожесточенныя атаки по поводу объявленной имъ на Дону «полноты власти» и введеннаго военнаго положенія. Представители органовъ самоуправления и разнообразныхъ комитетовъ и организацій требуютъ отмены военнаго положенія, а также образованія высшаго краевого органа власти, составленнаго при участіи на ряду съ казачьимъ представительствомъ и представителей неказачьяго населенія и революціонной демократіи. Но войсковое правительство отказывается отъ удовлетворенія этихъ требованій, ограничившись лишь приглашеніями на свои засѣданія въ Новочеркасскъ представителей городскихъ самоуправленій, областного военного комитета, областного исполнительнаго комитета, всероссійскаго крестьянскаго союза, военно-промышленнаго комитета, донскаго союза общественныхъ дѣятелей, партіи народной свободы, почтово-телеграфныхъ комитетовъ и т. д.

Такъ проходитъ время до половины ноября.

Рѣзко отмежевавшись отъ большевистскаго правительства, войсковое правительство, однако, не готовится къ немедленнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ него. Близко Учредительное Собраніе, оно возстановитъ законное правительство и сниметъ съ правительства на Дону наложенныя на него ходомъ событий чрезвычайныя полномочія,—такъ представляло себѣ ближайшее будущее донское правительство, избѣгая вспышки активной борьбы казачества съ большевистскими войсками. Нужно защищать край отъ вторженія большевистской анархіи. Для этого у войскаго правительства достаточно силъ и оно въ состояніи справиться съ этой задачей безъ похода противъ петроградскихъ большевиковъ.

Въ войсковомъ правительствѣ было два теченія: одно проводило именно эту программу дѣйствій, во главѣ его стоялъ Калединъ, и оно побѣдило; другое теченіе настаивало, наоборотъ, на немедленной подготовкѣ активнаго выступленія, требовало немедленнаго объявленія войны во имя спасенія родины, «рѣшительной игры ва-банкъ».

13-го ноября, въ чрезвычайномъ засѣданіи войскаго правительства, столкнулись эти двѣ точки зрѣнія и ген. Калединъ произнесъ уже известную и воспроизведенную въ столичной печати рѣчь. «Я лично отдаю родинѣ и Дону всѣ свои силы, не пожалѣю и своей жизни, но весь вопросъ въ томъ, имѣемъ ли мы право выступить сейчасъ же, можемъ ли мы рассчитывать

на широкое народное движеніе... Войсковое правительство, ставя на карту донское казачество, обязано сдѣлать точный учетъ всѣхъ силъ»,—вотъ центральный пунктъ этой рѣчи. Этотъ призывъ къ осторожности и побѣдилъ въ войсковомъ правительствѣ.

Донское правительство не одиноко. Какъ разъ въ эти же тревожные дни конца октября и начала ноября вошелъ въ силу «союзный договоръ Юго-Восточнаго Союза казачьихъ войскъ, горцевъ Кавказа и вольныхъ народовъ степи». Первоначально этотъ союзъ составляли донское, кубанское, терское и астраханское казачество, калмыки и горскіе народы Кавказа (въ союзномъ договорѣ поименно перечислены всѣ народы Дагестана и Закатальскаго округа, горскіе народы Терскаго и Кубанскаго края и Сухумскаго округа). Позднѣе къ нему присоединились яицкое войско и намѣреваются присоединиться двѣ сосѣднія губерніи—Ставропольская и Черноморская. Такъ обозначилась громадная территория союза, «въ видѣ подковы» окружившая съ юго-востока Европейскую Россію. Вотъ нѣсколько наиболѣе важныхъ положеній договора этого союза. «Мы нижепоименованные... заключаемъ между собой союзъ съ цѣлью способствовать установленію наилучшаго государственнаго строя, внѣшней безопасности и порядка въ Государствѣ Россійскомъ, а также обезпечить членамъ союза ихъ неприкосновенность, поддержать внутреннее спокойствіе, поднять общее благосостояніе и тѣмъ закрѣпить завоеванныя революціей благодѣянія свободы»,—такъ начинается текстъ договора. Ниже нѣсколько подробнѣе раскрыта эта общая формула. Цѣлями союза здѣсь объявляются: «Достиженіе скорѣйшаго учрежденія Россійской демократической федеративной Республѣки съ признаніемъ членовъ союза отдѣльными ея штатами», «стремленіе къ образованію твердой и авторитетной демократической государственной власти, опирающейся на всѣ живыя силы національностей и территории страны, и свободной отъ давленія безответственныхъ организацій», «содѣйствіе центральной государственной власти въ борьбѣ съ вѣдшимъ врагомъ и въ заключеніи достойнаго мира на основахъ самоопредѣленія народовъ, въ установленіи въ странѣ правопорядка и въ борьбѣ съ анархіей и контръ-революціей»...

Таковъ планъ дѣйствій,—возстановленіе сильной и здоровой государственности путемъ образованія федерации. Спасеніе родины,—не немедленной схваткой съ захватчиками, опирающимися на штыки обманутыхъ солдатъ,—а постепенной концентраціей силъ для поддержки законно-созданной центральной власти...

II.

Но тучи надвигаются на Донъ извѣстѣ. Въ половинѣ ноября до войскаго правительства доходятъ свѣдѣнія о задуманномъ въ Петроградѣ походѣ на Донъ, а 19-го ноября къ Таганрогу подходят суда Черноморскаго флота. 18-го ноября на засѣданіи переѣхавшаго изъ Кіева въ Новочеркасскъ общеказачьяго фронтоваго съѣзда Агѣевъ и товарищъ войскаго атамана Богаевскій произнесли первыя тревожныя рѣчи о надвигающейся на Донъ опасности—о томъ, что «два транспорта Черноморскаго флота ночевали въ Мариуполѣ и идутъ въ Таганрогъ». Товарищъ войскаго атамана заявилъ, что войсковое правительство готово къ отпору и не подставитъ своей головы подъ занесенные удары. «Сегодня пойдетъ великій сполохъ по хуторамъ и станицамъ Дона,—закончилъ онъ свою рѣчь,—и если вы ослабните, то отцы помогутъ вамъ. Готовьтесь къ сполоху, это не реакція. Это—защита Дона и казачества, всего лучшаго, за что оно боролось»...

Командующій войсками ростовскаго округа ген. Поточскій пытался-было воспрепятствовать входу въ портъ севастопольскихъ транспортовъ и распорядился потушить огни на таганрогскомъ маякѣ и всю сигнализацию. Но совѣтъ рабочихъ депутатовъ отменилъ это распоряженіе и открылъ дорогу прибывающимъ матросамъ. Была попытка также въ тѣхъ же цѣляхъ воспрепятствовать входу севастопольскихъ судовъ затопить на фарватерѣ барку съ углемъ. Но позднѣе самъ ген. Поточскій отменилъ этотъ проектъ, ссылаясь на благополучное разрѣшеніе кризиса путемъ переговоровъ. Вечеромъ 18-го ноября одинъ изъ транспортовъ «Казбекъ» былъ уже въ таганрогскомъ порту. Въ тотъ же вечеръ мѣстный совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, «шестерка комитета защиты революціи», таганрогская городская Дума посылаютъ на палубу прибывшаго

«Казбека» своих делегатов приветствовать прибывших моряков и запросить их о цели их прибытия. Позднѣе, утромъ 21-го ноября, въ таганрогскій портъ прибыло три черноморскихъ траллера. Утромъ 22-го ноября въ портъ вошелъ миноносецъ.

Черноморцы сообщили, что целью ихъ прибытия является оказание помощи мѣстнымъ демократическимъ организациямъ въ ихъ стремлении достигнуть снятия военного положенія и организаци въ Донской области власти на демократическихъ началахъ. Прибывшие моряки привезли съ собой воззваніе севастопольскаго совѣта военн., рабоч. и крест. депутатовъ къ казакамъ, въ которомъ казакамъ напоминалось, что въ старину ихъ «свободныхъ паны-воеводы продали обманнымъ образомъ въ руки кроваваго царскаго рода Романовыхъ» и въ которомъ казаки призывались воздержаться отъ участія въ гражданской войнѣ.

Къ этому времени въ Ростовѣ уже образовался областной военно-революціонный комитетъ, который открыто выступаетъ на борьбу съ войсковымъ правительствомъ. Этотъ «военно-революціонный областной комитетъ объединенной демократіи» возникъ вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ прежняго военно-областного комитета, засѣдавшаго въ Новочеркасскѣ его пѣхотной секціи и ея переѣзда изъ Новочеркаска въ Ростовъ-на-Дону.

Военно-революціонный комитетъ заявляетъ, что онъ не признаетъ власти войскового правительства, самъ объявляетъ себя высшей властью во всей Донской области и требуетъ устранения съ поста командующаго войсками ген. Потоцкаго и ростовскаго комиссара временнаго правительства Зеслера. Это постановленіе комитета было облечено въ форму приказа № 1. Позднѣе этотъ ростовскій приказъ № 1 былъ видоизмѣненъ приказомъ № 2: всеобъемлющее полномочіе комитета надъ всей областью было сужено,—комитетъ объявлялся высшею властью лишь по отношенію къ Ростову и Нахичевани и высшимъ военнымъ органомъ для неказачьихъ частей въ области. Это измѣненіе приказа № 1 произошло подъ давленіемъ, оказаннымъ на большевиковъ с.-р.-ами и меньшевиками. Эти болѣе умѣренные элементы свое участие во вновь создаваемомъ военно-революціонномъ комитетѣ обусловили нѣсколькими оговорками. Ихъ соглашеніе съ большевиками, выраженное въ резолюціи

ростовской городской думы отъ 19-го ноября, сжидилось на слѣдующихъ пунктахъ: 1) Соглашеніе основано для борьбы съ выступленіями какъ контръ-революціоннаго, такъ и анархическаго характера; 2) основной задачей момента является предотвращеніе гражданской войны; 3) коалиція будетъ стремиться къ созданію областного органа власти, представляющаго собой всѣ группы населенія въ противовѣсъ стремленіямъ отдѣльныхъ группъ захватить власть въ свои руки. Въ ростовскомъ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ меньшевикъ с.-д. такъ сформулировалъ эту позицію объединившейся демократіи: «Какъ въ дни корниловщины, такъ и теперь, демократія соединилась и нашла путь къ соглашенію... Вначалѣ мы были противъ соглашенія съ большевиками, но то обстоятельство, что большевики отказались отъ захвата власти въ области, побудило насъ къ объединенію... Сегодня выяснилось, что объявлена борьба съ Калединымъ. Мы ведемъ борьбу за образованіе власти объединенной демократіи въ области...»

Въ отвѣтъ на приказъ № 1 военно-революціоннаго комитета ген. Каледина и войсковое правительство «въ цѣляхъ самообороны и безопасности области» постановило разоружить пѣхотные полки, стоящіе въ Новочеркасскѣ, и отправить нѣскольکو казачьихъ частей къ Ростову и Таганрогу. Областной военный казачій комитетъ въ Новочеркасскѣ, выразивъ «довѣріе и одобреніе войсковому правительству», поддержалъ въ этомъ ген. Каледина и отправилъ въ пѣхотныя части двухъ делегатовъ со слѣдующимъ наказомъ: «1) Указать пѣхотнымъ частямъ, что воззваніе военно-революціоннаго комитета № 1 есть преступная провокація; 2) указать пѣхотнымъ частямъ, что со стороны казачьихъ частей враждебныхъ отношеній къ пѣхотнымъ частямъ не было и нѣтъ, и 3) во избѣжаніе кровопролитія просить пѣхотныя части сдать оружіе». Но, хотя полки и были разоружены, голосъ казаковъ не былъ услышанъ.

Въ Ростовѣ формируется штабъ неказачьихъ частей Донской области и за должность начальника штаба избирается подполковникъ кн. Микеладзе. Такъ организуется наступленіе изъ Ростова на Новочеркасскъ.

Странникъ.

ВОЙНА.

Статья Бориса Кремнева.

«Страна переживала кризисъ, подобнаго которому не было въ исторіи другихъ народовъ. Никогда еще ни одинъ народъ не былъ такъ близокъ къ гибели»...

«Дезорганизованное войско—вотъ все, что страна могла противопоставить закаленной въ бою армии, которой предводительствовали могущественный монархъ и два славныхъ полководца... А между тѣмъ, чтобы не открыть неприятелю путь къ столицѣ, было необходимо во чтобы то ни стало защитить обширныя равнины»...

«Хотя бы маленькая армія, на долю которой выпало спасеніе отечества, была сильна своимъ единодушіемъ! Но и этого не было; раздраемая партійными распрями, она не проявляла единодушія. Солдаты смотрѣли на офицеровъ, какъ на измѣнниковъ, и каждую минуту были готовы выйти изъ повиновенія; офицеры боялись солдатъ и не рѣшались отдавать имъ приказаній»...

Изъ столицы ожидали «войска, набраннаго наспѣхъ, плохо дисциплинированнаго, плохо вооруженнаго, не умѣющаго стрѣлять изъ ружей и безъ офицеровъ»...

«Совсѣмъ иное представлялъ неприятельскій лагерь. Въ немъ все дышало увѣренностью въ побѣдѣ. Всѣ начальствующія лица вражеской арміи смотрѣли на себя, какъ на ниспосланныхъ судьбою неумолимыхъ мстителей за старый порядокъ»...

Это безпристрастный голосъ историка. Въ такомъ положеніи была Франція въ революціонный 1792 годъ. И, однако, революціонный народъ побѣдилъ великолѣпныя полчища монарховъ.

Можемъ ли мы обольщать себя такою же надеждою? Ставить крестъ надъ русскимъ народомъ, освободившимся отъ тяжкихъ оковъ самодержавія, было бы преступнымъ малодушіемъ, но не меньшимъ преступленіемъ было бы закрывать глаза на всю страшную и явную правду жизни, какъ она раскрывается передъ нами въ эти дни послѣднихъ испытаній.

Взвѣсимъ и оцѣнимъ тѣ условия, въ которыхъ находился французскій народъ осенью 1792 года, и ту историческую обстановку, въ которой находимся теперь мы.

Тогда революціонная Франція была воодушевлена идеей, что свобода и патриотизмъ нерасторжимы, что французскій народъ несетъ міру вѣсть о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, что утвердить принципы революціи можетъ только сильная нація и, устами Дантона провозгласивъ лозунгъ дерзанія до конца, Франція не выронила своего знамени.

Теперь возглавляютъ нашу страну и армию не Дантонъ и Карно, а всего лишь Бронштейнъ и товарищъ Абрамъ, онъ же Крыленко. Идея патриотизма имъ такъ же чужда, какъ идея интернаціонала чужда императору Вильгельму. Значитъ, надѣяться,

на паѳсъ нашихъ неожиданныхъ оборонцевъ изъ Смольнаго едва ли благоразумно.

Иную картину представляетъ и театр военныхъ дѣйствій. Въ концѣ XVIII вѣка арміи маневрировали. Смѣлость и находчивость полководцевъ, духъ солдатъ и рѣшительность офицеровъ всецѣло предопредѣляли исходъ сраженій. Въ началѣ XX вѣка психологическій моментъ играетъ роль второстепенную: преобладающее значеніе остается за техникою военнаго дѣла. Этотъ обезпечивающій побѣду тылъ арміи нельзя наладить въ двѣ-три недѣли, если онъ разрушенъ предупредительно преступными руками прилежныхъ и подбострастныхъ агентовъ Германіи.

Наконецъ, что самое главное, контръ-революціонеры во Франціи были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ реакціонной Пруссіей, у насъ съ этою реакціонною Пруссіей находятся въ дружескихъ отношеніяхъ не Корниловъ, не Калединъ, не Щербачевъ, не Алексѣевъ, не Савинковъ, не Церетелли, не Авксентьевъ, не всѣ тѣ, на кого теперь клеветаютъ такъ безстыдно, а какъ разъ совсѣмъ иные люди, которыхъ буржуазная нѣмецкая пресса признаетъ «людьми государственными», несмотря на ихъ красноалый коммунизмъ.

И при этихъ условіяхъ, непохожихъ вовсе на историческую обстановку, въ которой Франція сражалась съ коалиціей монархистовъ за свободу и республику, намъ предстоитъ защищать нашу страну отъ хищнаго и алчнаго врага.

Но вотъ на-дняхъ, какъ передаютъ «Русскія Вѣдомости», въ засѣданіи комиссіи по демобилизаціи во время разсмотрѣнія текущихъ вопросовъ явился Ленинъ, который произнесъ рѣчь, поразившую присутствующихъ своею неожиданностью. «Я думаю,—сказалъ Ленинъ,—что придется приостановить демобилизацію и готовиться къ войнѣ съ Германіей и ея союзниками. Если они не примутъ нашихъ условій мира, то мы объявимъ революціонную войну Германіи».

Въ это же время верховный прапорщикъ Крыленко опубликовываетъ приказъ по арміямъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Не испита, *оказывается*, вся чаша страданій, товарищи, и дѣло мира въ опасности».

И далѣе:

«Голодные, холодные, раздѣтые, разутые, со всѣхъ сторонъ окруженные врагами, покажите, какой неисчерпаемый источникъ силы еще хранить въ себѣ революціонный пролетаріатъ и бѣднѣйшее крестьянство».

Такъ вотъ что «оказывается»!

Оказывается, мира вовсе нѣтъ. И верховному прапорщику приходится вновь вести войну, но до

сихъ поръ мы вели войну съ реакціонной австро-германско-турецкой коалиціей, а теперь будемъ вести войну не только съ нею, но также и съ англо-французскою демократіей, съ республикою Украинскою, съ республикою Сибирскою, съ республикою Донскою и такъ далѣе, и такъ далѣе вплоть до странъ заморскихъ—Америки и Японіи.

Со всѣмъ міромъ будетъ воевать верховный прапорщикъ и, разумѣется, всѣхъ побѣдитъ. Да и какъ ему не побѣдить. Въ 1792 году Франція сражалась всего только за какую-то жалкую свободу, а, вѣдь, нынѣ мы будемъ сражаться за социализмъ. Онъ уже осуществленъ декретами верховныхъ комиссаровъ. Прапорщикъ Крыленко такъ и объясняетъ солдатамъ въ своемъ приказѣ: «Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ уже передалъ народу землю; правительство рабочихъ и крестьянъ уже постановило передать въ собственность государства банки. Теперь очередь за передачей фабрикъ и заводовъ въ собственность всего народа».

Изъ этого естественный выводъ: «Народно-соціалистическая гвардія, защищающая социалистическое правительство, социалистическую власть, не можетъ не побѣдить».

Все это прекрасно. Но невольно является сомнѣніе—а что если верховный прапорщикъ совралъ? А что если это не болѣе какъ оперетка? А что если это новый Хлестаковъ нарядился главнокомандующимъ и бряцаетъ саблею? Вѣдь социализма нѣтъ. И, пожалуй, мы не такъ-то скоро его увидимъ. По крайней мѣрѣ нынѣшній глава «соціалистическаго правительства» своевременно писалъ съ достаточной опредѣленностью: «Только самые невѣжественные люди могутъ игнорировать буржуазный характеръ происходящаго демократическаго переворота; только самые наивные оптимисты могутъ забывать о томъ, какъ еще мало знаетъ масса рабочихъ о цѣляхъ социализма и способахъ его осуществленія».

Это писалъ г. Ленинъ въ 1905 году. Неужели кто-нибудь повѣритъ, что нашъ російскій капитализмъ за эти двѣнадцать лѣтъ опередилъ промышленный міръ Европы и нашъ пролетаріатъ въ самомъ дѣлѣ сталъ авангардомъ всѣхъ социалистическихъ партій міра.

Въ это повѣрить по-истинѣ трудно, но нелегко также повѣрить и въ то, что г. Ленинъ и г. Крыленко забыли свой собственный марксистскій катехизисъ. А если не забыли и просто лгутъ нынѣ, то—спрашивается—зачѣмъ же они лгутъ? Какъ вы думаете, читатель, зачѣмъ?

Борисъ Кремневъ.

28 декабря 1917 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подъ властью большевиковъ.

Большевицкая власть все разрушаетъ и ничего не созидаетъ. Россія, какъ цѣлое, не существуетъ. Центръ, сѣверъ, югъ, окраины, отдѣльные народности и территории существуютъ почти внѣ всякой связи между собой. Если связующія нити еще не совсѣмъ порвались, то не большевики въ томъ причинны. Соединяетъ прошлое, связуютъ надежды на будущее,

но настоящее порождаетъ только одни центробѣжныя стремленія. Въ центрѣ—развалъ, угнетенія и насилія, въ центрѣ все рушится въ классовой борьбѣ, въ междоусобной распрѣ, и только внѣ района большевицкаго захвата образуются скрѣпы и завязки новой жизни. Центробѣжныя стремленія, движеніе къ краевой автономіи и къ національному объединенію явились сози-

дательными ферментами. Украина противопоставляет мощныя силы противъ идущаго изъ центра разложенія. Оказываетъ сильное противодѣйствіе казачество, образовавшее юго-восточный союзъ. Сибирь, Кавказъ, Уралъ, сѣверныя окраины также не поддаются разрушенію. Быть можетъ, разрушительный процессъ окажется локализованнымъ и русская государственность сохранить свое бытіе, выработавъ новыя формы своего существованія. Но, если жизнеспособность и цѣлостность государственнаго бытія сохранятся, то лишь путемъ противодѣйствія всему тому, что является характернымъ для «большевистскаго режима».

Большевизмъ только разрушаетъ и ничего не даетъ творческаго и созидательнаго. Онъ внесъ разрушеніе въ политическую жизнь страны. Исчезли законодательныя учрежденія, разваленъ весь аппаратъ управления страной, разрушаются органы мѣстнаго самоуправления. Задушены всѣ проявленія и формы общественности. Нѣтъ свободы слова, собраній, союзовъ. Задавлена политическая дѣятельность партій. Политическая свобода уступила мѣсто террору. Не дѣйствуютъ никакія законы, охраняющіе жизнь, имущество и свободу гражданъ. Нѣтъ никакой защиты при нарушении элементарныхъ гражданскихъ правъ. Полная беззащитность и безсудность. Дѣятельность судебныхъ учрежденій ликвидирована. Замѣнившіе ихъ «революціонные трибуналы» творятъ не правосудіе, а расправу по партійнымъ велѣніямъ и указкамъ. Убіиства, грабежи, насилия не находятъ себѣ никакого противодѣйствія. Неприкосновенность личности перестала существовать: происходятъ массовыя аресты безъ всякаго суда и слѣдствія по произволу и прихоти «власть имущихъ».

Страна ждала, что Учредительное Собраніе положитъ конецъ безправію. Выборы почти уже совсѣмъ окончились. Но само Учредительное Собраніе подверглось насилію. Члены Учредительнаго Собранія либо арестованы, либо принуждены скрываться. Верховный «распорядитель и хозяинъ земли», всенародное Учредительное Собраніе, оказался на положеніи плѣнника и узника у захватчиковъ власти. Превыше избранныхъ народа поставлена воля совѣтовъ. Учредительному Собранію поставленъ ультиматумъ: или признать большевистскую власть, или подвергнуться разгону...

Разрушительный процессъ охватилъ и всю экономическую жизнь страны. Промышленность дезорганизована. Цѣлыя отрасли промышленнаго дѣла остановились и другія доживаютъ послѣдніе дни. Трудовая жизнь превращена въ классовую борьбу, въ захватную дѣятельность. Захвачены банки, разрушено финансированіе предприятий, подорванъ кредитъ. Парализовано все торговое дѣло. Останавливается транспортъ. Нѣтъ сырья, нѣтъ топлива, нѣтъ перевозочныхъ средствъ, нѣтъ денежныхъ средствъ. Весь сѣверъ голодаетъ. Продовольственное дѣло въ конецъ расшатано. Производительныя губерніи юга не от-

пускаютъ хлѣба. Гражданская война привела къ полной остановкѣ хлѣбнаго транспорта. Нѣтъ хлѣба для продовольствія, нѣтъ его и для будущаго обсемененія полей. Земельная разруха уничтожила культурныя хозяйства, сократила до минимума посѣвную площадь.

Растетъ безработица. Начавшаяся демобилизація доведетъ ее до грозныхъ размѣровъ, до голодныхъ буптовъ.

«Имущественные классы» исчезаютъ. Земли отобраны, домовладѣнія «социализируются», капиталы «национализируются». Зарботки падаютъ, всякіе «доходы» ликвидируются. Но, и на другомъ концѣ социальной іерархіи, куда должны перейти «орудія производства», нѣтъ созидательной работы, нѣтъ накопленія творческихъ ресурсовъ. Всюду только разрушеніе производительнаго аппарата.

Разрушителей много, созидателей нѣтъ. Большевикъ разрушилъ и разрушаетъ, и ничего не создаетъ. Такова его сущность. Онъ далъ странѣ анархію и разрушеніе и не создалъ ничего организующаго. Большевистскія «организации» только очаги распада и развала, только начала анархическія и въ нихъ нѣтъ ничего социалистическаго. Мы теперь дальше отъ социализма чѣмъ когда-либо. Социализмъ—великое организующее начало, и его въ русской жизни нѣтъ ни въ матеріальныхъ, ни въ психологическихъ условіяхъ, созданныхъ большевикомъ.

Что же переживаетъ Россія? Россія переживаетъ пораженіе. Оно пришло не отъ нѣмецкихъ побѣдъ на полѣ брани. Россія оказалась отданной на волю побѣдителей руками «друзей народа». Не «прусскія фаланги», не «чемоданы», не подводная и воздушная война, не газовыя атаки, а созданіе «третьяго интернационала» во главѣ съ Робертомъ Гриммомъ, циммервальдъ-кинтальскія конспираціи, блиндированные поѣзда, привезшіе въ тылъ русской армии рать «друзей народа» принесли пораженіе, развалъ армии, анархію, разруху политической и экономической жизни. Намъ нанесли пораженіе нашими же собственными руками. И даже тридцать серебрянниковъ за услугу выдали не изъ своего кармана. Теперь не можетъ быть сомнѣній. Прежде ко всѣмъ явленіямъ подходили съ социалистической оріентаціей. Задавались вопросомъ, въ какой мѣрѣ тотъ или иной фактъ важенъ для «углубленія революціи», для «побѣды социализма». Теперь, чтобы разгадать смыслъ событій, надо найти нѣмца. Была сдѣлана искусная ставка на російскую темноту и невѣжество, на партійную узость и нетерпимость революціоннаго фанатизма. Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія, и Россія оказалась подъ пятой германскаго штаба и отечественнаго политическаго бедлама.

Но народы не гибнуть. Это бывало лишь на зарѣ человѣческой исторіи. Темнота разсѣится. Въ бѣдствіяхъ возродятся силы и ярмо побѣдителей и захватчиковъ будетъ сброшено.

Н. Иорданскій.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путияковскій пер., соб. домъ.